

Александр Оливье Эксквемелин

ПИРАТЫ АМЕРИКИ

Александр Оливье Эксквемелин

Пираты Америки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128223

Пираты Америки: ООО «Издательство «Пальмира»; Санкт-

Петербург; 2017

ISBN 978-5-521-00338-9

Аннотация

Долетевшее до нас сквозь века живое дыхание той эпохи, когда юный, только нарождавшийся капитализм клинками пиратских сабель энергично прорубал себе путь в Новый Свет.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
Пиратская Америка, или пираты Америки	34
Часть первая, повествующая о полном опасностей плавании в южные моря, о людях и природе тех стран, о приключениях столь же страшных, сколь и прекрасных	36
Глава первая. Отбытие автора в западную часть Америки на службу во Французскую Вест-индскую компанию. Встреча на море с английским военным кораблем. Прибытие на остров Тортуга	38
Глава вторая. Описание острова Тортуги, растений и плодов. Как там очутились французы и дважды были изгнаны испанцами. А также о том, как автор был там трижды продан	44
Глава третья. Самое полное и достоверное описание большого и славного острова Эспаньолы	52
Глава четвертая, повествующая о плодах, деревьях и животных, встречающихся на острове Эспаньоле	57
Глава пятая, повествующая о различных	71

животных, населяющих остров Эспаньолу,
всевозможных птицах, а также о
французских буканьерах и плантаторах
Конец ознакомительного фрагмента.

Александр Оливье Эксквемелин Пираты Америки

* * *

Другие названия: Карибские пираты; Пираты Карибских островов; Пираты Карибского моря.

© Аронов В., перевод на русский язык, 1968

© Свет Я., предисловие, 1968

© Оформление. ООО «Издательство «Пальмира», АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

Предисловие

*«Пираты Америки»-это долетевшее до нас
сквозь века живое дыхание той эпохи, когда юный,
только нарождавшийся капитализм клинками
пиратских сабель энергично прорубал себе путь в
Новый Свет.*

В 1678 году эта книга впервые увидела свет в тесной и полутемной книгопечатне амстердамского издателя Яна тен Хорна. Ее тираж был распродан мгновенно. Вся Голландия читала «Пиратов» запоем, за эту не слишком объемистую, напечатанную колючим готическим шрифтом книгу расчетливые и прижимистые амстердамские или гаарлемские библиофилы охотно платили бешеные деньги.

В заведение Яна тен Хорна сплошным потоком шли запросы из Парижа и Кёльна, «Пиратов» из-под полы и, разумеется, втридорога продавали в книжных лавках Лондона и Мадрида, Аугсбурга и Венеции.

В 1679 году в Германии «Пираты» появились в немецком переводе, в 1681–1684 годах вышло в свет три испанских издания этой книги; англичане и французы чуть отстали от своих соседей, но в последующие полтора-два десятилетия они обогнали немцев и испанцев: Лондон выбросил в 1685–1705 годах четыре издания «Пиратов», в Париже примерно за тот же срок «Пираты» были изданы трижды.

В исходе XVII и в начале XVIII века «Пираты» пользовались в Европе огромной популярностью. Отнюдь не исключено, что саардамский плотник Петр Михайлов, он же царь всея Руси Петр Алексеевич, в часы своих коротких голландских досугов перелистывал желтоватые страницы тенхорновского издания «Пиратов». Во всяком случае именно в петровское время несколько экземпляров этой книги по-

явилось в Петербурге и Москве. Любопытным и книголюбивым петровского и екатерининского времен «Пираты» были ведомы; в век Державина и Карамзина готовился перевод «Пиратов» на русский язык¹, но книги имеют свою судьбу; и так уж сложились обстоятельства, что только спустя три века после рождения этого древнего бестселлера его русское издание увидело свет.

И надо сказать, что это, пусть и запоздалое, издание выходит на советский книжный рынок весьма своевременно. Именно сейчас, в эпоху полного крушения колониализма, это правдивое сказание о временах его кровавого расцвета приобретает огромную обличительную силу. Подобно шекспировской леди Макбет современный колониализм стремится стереть и замывать следы своих былых злодеяний. Однако наряду с другими нелицеприятными свидетельствами давно минувших времен книга о пиратах Нового Света лишает смысла все попытки такого рода.

Пиратский бизнес был неразрывно связан с заморской

---

¹ Советский искусствовед Ю. Я. Герчук в 1965 году обнаружил в бумагах замечательного русского просветителя Ф. В. Каржавина (1745–1812 гг.) незавершенный перевод «Пиратов Америки». Работа Каржавина тем более интересна, что он долгие годы провел в Соединенных Штатах и побывал на Кубе, собрав исключительно ценные материалы о различных странах Американского Материка. Отметим также, что «Пираты Америки» отнюдь не утратили популярность в XVIII–XX веках. В каталогах библиотек конгресса в Вашингтоне и Британского музея в Лондоне числится свыше 50-ти изданий «Пиратов» на различных европейских языках, относящихся к периоду от 1678 до 1951 года. Известны современные чешские (1961 г.) и кубинские (1963 г.) издания «Пиратов».

экспансией. Сокровища, добытые в жестоких абордажных стычках, стекались в кладовые и сейфы лондонских и амстердамских банков. Чернознаменный промысел в антильских и индийских морях убыстрял темп первоначального накопления, содействовал стремительному росту новой, капиталистической формации.

Пираты и работорговцы были ее акушерами, с их кипучей деятельностью сопряжены и пора ее младенчества, и время ее юности и зрелости.

И книга, появившаяся на свет в 1678 году, как раз в ту эпоху, когда колониальные державы Европы осуществляли планы широчайшей экспансии в Новом Свете и на Среднем и Дальнем Востоке, содержала весьма точные и весьма объективные сведения о деятельности антильских пиратов, этих лоцманов и лазутчиков колониализма.

Позже, в XIX и XX веках, «пиратская» тема заняла видное место в западноевропейской и американской литературе. Авторы классических романов и повестей пиратского жанра отдали щедрую дань романтике черного стяга. Фенимор Купер и капитан Мариет, Райдер Хаггард и Саббатини, обращаясь к «Пиратам Америки» как к надежному первоисточнику, усердно наделяли разбойников с больших морских дорог чертами рыцарственности и вольнолюбия.

Спору нет, попадались среди пиратов прекраснодушные бунтари и рыцари без страха и упрека. Однако истинную атмосферу пиратского промысла автор изданной Яном тен

Хорном книги передает гораздо правдивее, чем его преемники. И если мы, удовлетворяя ненасытные и вполне справедливые требования любителей приключенческой литературы, даем зеленую улицу Хаггарду и Саббатини, то тем с большим основанием нам следует обратиться к книге, которая была и поныне остается главным и непосредственным источником информации о «золотом веке» морского разбоя.

О самом этом разбое, о причинах, которые вызвали бурный расцвет пиратского промысла в тропических морях Нового Света, и о героях книги, ставшей столь популярной во времена Даниэля Дефо и Джонатана Свифта, вряд ли, однако, уместно говорить, прежде чем читателям не будет представлен автор «Пиратов Америки».

Задача эта не из легких. На первый взгляд решается она просто. На титульном листе тенхорновского издания 1678 года указано, что «Пираты Америки» написаны А. О. Экквемелином. Сам автор сообщает, что в 1666 году он поступил в качестве хирурга на службу во Французскую Вест-индскую компанию и на одном из ее кораблей отправился на Антильские острова. Там он пробыл семь лет и за это время трижды попадал в рабство, посетил все главные гнезда пиратов на островах Карибского моря и участвовал в походе «короля» морских разбойников Генри Моргана на город Панаму. Судя по всему, автор был соотечественником тен Хорна: писал он на голландском языке, но никаких примет, которые могли бы указывать на иноземное происхождение

автора или хотя бы на длительное пребывание в странах, лежащих за рубежами Нидерландов, в книге усмотреть не удается.

Между тем испанский переводчик «Пиратов» дон Антонио Фрейре в своем предисловии к изданию 1681 года писал, что автор этой книги по национальности француз. Фрейре слегка изменил при этом фамилию автора (Экскевелин превратился у него в Эскевелинга) и тенхорновские инициалы А. О. вытеснил прописной буквой хотой.

Спустя четыре года английский переводчик, который предполагал и тенхорновским изданием, и изданием, подготовленным Антонио Фрейре, объявил автора «Пиратов» фламандцем и назвал его Джоном Эскевелингом.

По-видимому, транскрибируя имя автора, английский переводчик следовал испанской традиции, но он по каким-то соображениям отверг испанскую версию о происхождении Эскевелина.

Французский переводчик «Пиратов» Жан Фронтиньер в 1686 году разъяснил дело на свой лад и окончательно тем самым его запутал. Фронтиньер, упомянув, что автор «Пиратов» ему известен лично, сделал его своим соотечественником. При этом во французском издании автор был назван Александром Оливье Эксмелином (Oexmelin). Фронтиньер сообщил также, что автор «Пиратов» трижды посетил Америку, причем первый раз он плывал туда, состоя на голландской службе, а во второй и в третий раз побывал в Новом

Свете по поручению испанских властей.

Немцы в эту путаницу внесли свою лепту: в немецком издании 1679 года они назвали автора «Пиратов» А. О. Нюрнбергом, а спустя сто двадцать четыре года в одном из очередных переиздании присвоили ему имя Иосиф.

Немецкий вариант имени автора «Пиратов» – плод чистейшего недоразумения. Но формы Эксквемелин, Эсквемелинг, Эксмелин объяснимы в куда меньшей степени. Это и не голландские, и не французские, и не фламандские фамилии. Вообще ни в одной стране мира подобные именные звукосочетания немыслимы. Автор явно предпочел укрыться под псевдонимом, и к тому же под псевдонимом весьма странным.

Голландские исследователи не без основания предполагают, что автор «Пиратов» был их земляком. Тому свидетельство язык книги. Правда, тен Хорн располагал кадрами отличных переводчиков, и они могли довести до совершенства любой французский оригинал. Но как раз то обстоятельство, что текст книги не причесан и не отполирован и к тому же пестрит вульгаризмами, свойственными коренному уроженцу центральных провинций Нидерландов, лишает силы гипотезу о переводном характере «Пиратов». Фламандская версия также отпадает, поскольку в тексте книги «фламандизмы» совершенно отсутствуют. Подобного эффекта не смог бы добиться ни один редактор тенхорновского заведения, да и вряд ли бы издатель стал очищать от фламандских

привесков рукопись автора, поскольку читатель-голландец в такой чистке не нуждался: фламандские диалектизмы были ему понятны.

Все эти соображения вполне основательны, но они тем не менее не дают еще возможности установить, кто же, собственно, был автором «Пиратов»².

Вопрос этот и по сей день остается открытым, однако нам представляется весьма перспективной одна чрезвычайно интересная и любопытная гипотеза, выдвинутая лет сорок назад голландским историком Хогеверфом и поддержанная автором предисловия к голландскому изданию 1931 года Константином Ван Вессеном³.

Хогеверф и Ван Вессен полагают, что «Пираты» были написаны и переданы тен Хорну голландским путешественником и писателем Хендриком Смексом (1643–1721 гг.). Смекс, побывав в ранней молодости на берегах Западной Австралии и на Яве, а в 1666–1673 годах, то есть как раз в то время, когда совершались те грандиозные пиратские походы, о которых писал Эксквемелин, странствовал в американ-

---

² За пределами Голландии версии Фрейре и Фронтиньера о происхождении автора «Пиратов» имеют хождение и в наши дни. Отметим, в частности, что автор предисловия к кубинскому изданию этой книги Элисео Диего (*Esquemeling. Piratas de la America*. Habana, 1963, p. 30) считает, что «Эксквемелин был французом, и наиболее приемлемой представляется та форма его имени, которая дана была во французском издании».

³ *De americanische Zee-roovers door A. O. Exquemelin, Antwerpen – Amsterdam, 1931, s. X.*

ских землях.

Смекс теснейшим образом был связан с фирмой тен Хорна, и у сына Яна тен Хорна, Николаса, издал в 1708 г. свою книгу «Описание могущественного королевства Кринке Кесмес», в которой повествуется об одном населенном вполне цивилизованными индейцами острове в тропической Америке⁴.

Хогевефф полагает, что при перестановке слогов и замене двух букв псевдоним Эксквемелин может быть прочитан как испанизированная форма имени и фамилии Смекса (Энрике Смеекс), и, хотя подобная расшифровка и вызывает некоторые сомнения, нельзя не признать, что в век, когда многие авторы по тем или иным причинам охотно скрывали свои истинные имена, такая метаморфоза была вполне возможна⁵.

Так или иначе, несомненно одно: автор «Пиратов» безусловно в конце 60-х и в начале 70-х годов XVII века побывал на Антильских островах и в Центральной Америке и о морских разбойниках тех мест писал основании своего личного опыта и тщательнейших наблюдений.

В силу этого его книга обладает неопенимым достоинством: она достоверна от первой до последней строки. Кем

---

⁴ По мнению Ван Вессена, одна из глав этой книги, в которой речь шла о приключениях европейца, оказавшегося в положении Робинзона, была использована Даниэлем Дефо, чья прославленная повесть вышла в свет в 1719 году.

⁵ Хогевефф в имени *Enrique Smeeks* заменяет букву *e* буквой *l* и, перетасовывая литеры и слоги, получает то сочетание, которое соответствует форме *Eksquemelin*.

бы ни был этот таинственный Эксквемелин – голландцем или французом, хирургом или моряком, тайным агентом Генеральных Штатов Нидерландов или искателем приключений, на свой риск и страх пробравшимся в пиратские станы, – все его описания точны и соответствуют действительности. И уже не вина автора, если порой эта действительность фантастичнее самого необузданного вымысла...

* * *

В 1492 году Христофор Колумб открыл первые земли Нового Света – Багамские острова, Кубу и Эспаньолу (Гаити). А спустя полвека во владении Испании оказались вся Центральная Америка и Мексика, северные берега Южноамериканского материка и широкая полоса земель вдоль западного его края, которая, захватывая поднебесные гряды Анд, тянулась от Карибского моря до холодных южночилийских лесов.

В Мексике и в стране инков Перу были открыты колоссальные залежи золота и серебра. С 1535 по 1660 год испанцы вывезли из Америки драгоценных металлов на три миллиарда рублей. Вероятно, и половины этой суммы не дали к середине XVII века все копи Старого Света за все время их существования.

По самым скромным подсчетам, пять или шесть миллионов индейцев – половина коренного населения Нового Света – погибли за первые полтора столетия испанского господства,

причем значительная часть исконных обитателей американских земель вымерла на горной каторге, в рудниках Мексики и Перу.

Выкачивая несметные богатства американских недр, испанские колонизаторы создали и ввели в действие систему всеобщего ограбления своих заморских владений.

Основой основ этой системы была жесткая монополия на торговлю с Новым Светом. С начала XVI века право на торговые сношения со всеми заокеанскими землями имел единственный испанский порт – Севилья. По ту сторону Атлантики этим правом пользовались только две гавани – Веракрус в Мексике и Пуэрто-Бельо на северном, атлантическом берегу Панамского перешейка⁶.

Из Веракруса вывозились мексиканские товары и мексиканское серебро, через Пуэрто-Бельо поступали в Испанию драгоценные металлы из Перу. Перуанское золото и серебро сперва привозилось в Панаму, расположенную на тихоокеанском берегу одноименного перешейка, а затем на мулах доставлялось в Пуэрто-Бельо.

Тем же путем, то есть через Панаму и Пуэрто-Бельо, шли в Испанию товары из Парагвая и Буэнос-Айреса. Испанские власти предпочитали кружной путь – через Перу и Панаму – прямой морской дороге, ведущей из устья Ла-Платы в устье

---

⁶ Сначала это право было предоставлено порту Номбре-де-Дьос, лежащему чуть дальше к югу. С конца XVI века испанцы перебазировались из Номбре-де-Дьос в Пуэрто-Бельо.

Гвадалквивира, ибо этот кружной маршрут отвечал железным правилам монопольной торговли с Новым Светом.

Раз-два в год из Севильи в Америку отправлялась особая флотилия – несколько десятков торговых судов под охраной боевых кораблей. Порядок следования этого Золотого флота (так в Испании назывались трансатлантические караваны) был установлен на века и никаким изменениям не подлежал.

Постоянны и нерушимы были маршруты Золотого флота. Из аванпорта Севильи – гавани Сан-Лукар-де-Баррамеды Золотой флот шел на юг, у Канарских островов или у островов Зеленого Мыса брал курс на запад, пересекал Атлантику и либо вдоль цепочки Малых Антильских островов, либо через Багамский канал выходил к Гаване, а затем часть его кораблей направлялась в Веракрус, а часть в Пуэрто-Бельо. Суда, идущие в Пуэрто-Бельо, по пути останавливались в гавани Картахена на северном побережье Южноамериканского материка (эта часть Южной Америки у испанцев носила название *Tierra Firme*, или Материковая земля).

Нагрузившись в Веракрусе и Пуэрто-Бельо серебром, золотом и прочими дарами Нового Света, корабли шли к Гаване. Там обе флотилии соединялись и через Багамский канал выходили из Карибского моря на простор Атлантики. В обратном направлении Золотой флот пересекал океан в струе Гольфстрима на широте Азорских островов.

С 1537 года в Испании действовало строжайшее правило: ни один торговый корабль не должен в одиночку пересекать

Атлантику.

Еще в первом десятилетии XVI века испанская корона закрыла всем иноземным кораблям доступ в моря, омывающие ее заокеанские владения. Этим запретом испанские власти надеялись оградить природные сокровищницы Нового Света от нежелательных конкурентов и поставить под жесткий контроль вывоз из них драгоценных металлов в метрополию.

Первое время система запретов и монополий действовала отлично. И объяснялось это тем, что на великие морские пути, ведущие в Америку и Индию, Испания и ее соседка Португалия вышли куда раньше, чем все прочие державы Европы. Недаром в 1493 году папа Александр VI поделил весь подлунный мир между Испанией и Португалией, а в 1494 году обе эти державы заключили соглашение о демаркации сфер своих грядущих захватов. Демаркационная линия 1494 года рассекла от полюса до полюса всю Атлантику. Все, что лежало к востоку от нее, должно было принадлежать Португалии, все, что к западу, – Испании. И когда спустя несколько десятилетий определились контуры земель, открытых в Новом Свете и на восточных рубежах Азии, в «испанской» половине земного шара оказалась вся Америка, за исключением ее бразильского выступа, а в португальской – Бразилия, Африка и Азия.

Но уже в первой четверти XVI века этот самочинный испано-португальский раздел мира вызвал резкие протесты у

морских держав Европы.

Французский король Франциск I настойчиво просил королей Испании и Португалии указать ему, где, когда и при каких обстоятельствах Адам завещал этим монархам право на раздел земного шара. Беседы о завещании Адама Франциск I подкреплял некоторыми, и при этом весьма существенными, акциями. С его ведома французские пираты вышли на морские пути Атлантики и начали охоту за испанскими кораблями. В 1522 году эти пираты захватили на большой морской дороге сокровища мексиканского властителя Монтесумы, которые завоеватель Мексики Кортес отправил из Веракруса в Севилью.

Вслед за французами в игру вступили англичане. В Лондоне прекрасно понимали, что нити, связывающие Испанию с ее заморскими владениями, не так уж трудно оборвать или перерезать.

Английские пираты уже в 60-х годах XVI века нанесли чувствительные удары Испании. А в 1572 году удачливейший английский морской разбойник Френсис Дрейк высадился на Панамском перешейке и перехватил на сухопутье караван с перуанским серебром. В 1577–1580 годах Дрейк совершил кругосветное плавание и по пути разорил и опустошил множество чилийских, перуанских и центральноамериканских гаваней. Этот вояж дал ему четыре тысячи семьсот процентов чистой прибыли, причем львиную долю добычи получила английская королева Елизавета, которая была

пайщицей пиратской фирмы Дрейка.

В 1588 году после гибели у берегов Англии Непобедимой Армады морская мощь Испании была окончательно подорвана. И с конца XVI века английские, голландские и французские пираты при прямом покровительстве королей Англии и Франции и властей Нидерландской республики все чаще и чаще начинают вторгаться в подбрюшье испанской колониальной империи – в земли и воды Карибского бассейна.

Если бы пиратам удалось твердо обосноваться на тех или иных островах Антильского архипелага, то под угрозу были бы поставлены все операции Золотого флота. Ведь, отсиживаясь в надежных убежищах, совершая частые вылазки из баз, лежащих неподалеку от Гаваны и Веракруса, Пуэрто-Бельо и гаваней Материковой земли, пираты могли постоянно нарушать всю систему перевозок драгоценных металлов, причем эти акции сулили бы им баснословные барыши.

По многим причинам такая пиратская экспансия была чрезвычайно выгодна державам – конкурентам Испании. И Англия, и Франция, и Нидерланды часто вели с Испанией войны, но в силу взаимного соперничества этих держав им не удавалось завершать успешные боевые операции отторжением сколько-нибудь крупных владений испанской короны.

Кроме того, в периоды порой довольно длительных пауз между очередными войнами эти державы волей-неволей вынуждены были воздерживаться от территориальных захва-

тов.

Однако на пиратов нормы международного права и правила дипломатической игры не распространялись. Англия могла лет десять или пятнадцать жить в мире с Испанией, но английские пираты при тайном попустительстве британских властей невозбранно нарушали границы испанской колониальной империи, пускали ко дну испанские суда и захватывали большие и малые острова в антильских морях.

В итоге к 1660 году частично в результате поражений, понесенных в войнах с Англией, Францией и Нидерландами, частично по причине пиратских набегов и захватов Испания утратила почти все свои островные владения в Карибском море. Во власти испанской державы осталось в сущности лишь два острова – Куба и Пуэрто-Рико. На Эспаньоле, этой жемчужине испанской короны, кое-где все еще стояли испанские гарнизоны, но все внутренние области острова и большая часть его западного побережья попали в цепкие руки пиратов.

В 1639 году французские пираты захватили островок Тортугу, лежащий у северных берегов Эспаньолы, у самого входа в Багамский канал. Тортуга стала важнейшей пиратской базой в Карибском бассейне. Внутренние же районы Эспаньолы превратились в огромную пиратскую ферму. Охотники и скотоводы Эспаньолы вели заготовку мяса для пиратских флотилий. Без солонины с острова Эспаньола пиратам и война была бы не в войну. На местном наречии (пираты

говорили на странном англо-франко-голландском жаргоне) солонина называлась буканом, и пираты, постоянные ее потребители, присвоили себе кличку буканьеров⁷.

Пиратские гнезда, не всегда, впрочем, постоянные, были также на острове Санта-Каталина (Провиденс), у берегов Центральной Америки, на острове Невис (Малые Антильские острова), а с 1655 года, после того как Англия захватила у Испании Ямайку, этот большой остров стал, пожалуй, еще более важной пиратской базой, чем Тортуга.

Во всех этих пиратских «республиках» во второй половине XVII века обитало тысяч двадцать-тридцать буканьеров, и приток новых поселенцев возрастал на протяжении всей этой эпохи.

Пиратские и полупиратские острова лежали по соседству с английскими, французскими и голландскими колониями, которые в 20–50 годах XVII века возникли на Малых Антильских островах и на Ямайке.

Эти англо-франко-голландские острова превратились в сплошную сахарную плантацию. Король-сахар вытеснил все прочие тропические культуры, а его победное шествие сопровождалось стремительным ростом плантационного хозяйства, основанного на рабском труде⁸.

---

⁷ Пираты нередко называли себя также флибустьерами. В основе этой клички лежит англо-голландский термин flyboot; в XVII веке так назывались небольшие и быстрые лодки, которыми пираты пользовались при набегах на прибрежные селения.

⁸ Рабов поставляли из Черной Африки негроторговцы, но наряду с черными

Главная английская сахарная колония – остров Барбадос – в 1645 году насчитывала свыше одиннадцати тысяч мелких белых фермеров и пять тысяч восемьсот негров-рабов. А в 1667 году здесь было 745 крупных плантаторов и 82 000 рабов.

Разоренные белые фермеры уходили к пиратам на Тортугу и Эспаньолу, туда же бежали со «сладкой каторги» черные и белые рабы. Поэтому национальный состав в пиратских поселениях был очень пестрым. Преобладали англичане и французы, часто попадались голландцы, довольно много было негров и мулатов.

Буканьерская вольница осела в непосредственной близости от сахарных колоний, однако сколько-нибудь серьезной опасности для колониальных властей и плантаторов пираты не представляли.

Организаторы пиратского промысла направляли кипучую энергию этой вольницы отнюдь не на освободительную борьбу против сахарных магнатов. При поддержке английских, французских и голландских губернаторов сахарных островов пиратские боссы вели охоту на корабли Золотого флота, попутно опустошая прибрежные селения в испанских владениях.

Такое направление пиратского промысла было крайне выгодно и губернаторам, и высоким властям в Париже, Лондо-

---

невольниками на плантациях гнули спину белые рабы, о горькой участи которых неоднократно упоминает Эксквемелин.

не и Гааге, и английским, голландским и французским купцам и банкирам, прямо или косвенно связанным с пиратскими вожаками.

Действия пиратов ослабляли испанскую колониальную империю, расшатывали ее устои и приносили немалые барыши людям большого бизнеса.

Своего апогея эта деятельность достигла в 60-70-х годах XVII века, то есть именно в ту пору, когда Эксквемелин посетил их главные базы.

Пираты так основательно оседлали антильские морские пути, что порой совершенно прерывали сношения Испании с Кубой, Мексикой и Южной Америкой. Так, о смерти короля Филиппа IV его заморские подданные в 1665 году узнали спустя семь месяцев после того, как прах венценосца был похоронен в Эскуриале.

Порой Золотой флот так и не доходил до берегов Испании – пираты, выхватывая из этой армады свои жертвы, уничтожали ее по частям. А такие операции удавались им отлично. На берегах Тортуги, близ мелких островов у южного побережья Кубы, в Багамском канале у пиратов было множество тайных убежищ, и там они устраивали засады, а из этих засад совершали быстрые набеги на длинные, неповоротливые и трудноуправляемые караваны Золотого флота.

У Эксквемелина подобного рода операции описаны превосходно, со знанием дела.

60-е и 70-е годы XVII века – этот, если можно так выра-

зиться, Эксквемелиновский этап в истории антильских пиратов – отмечены пиратскими акциями беспрецедентного масштаба и неслыханной дерзости. Набеги на испанские города, лежащие на Американском материке, приобретают в эту пору характер больших военных кампаний. Захват Маракайбо и Гибралтара (южноамериканского) сперва Олоне, а затем Морганом и особенно панамский поход Моргана – события чрезвычайно важные и знаменательные. По существу они явились свидетельством полного и трагического бессилия Испании и вопиющей бездарности испанских колониальных властей и испанских вое- и градоначальников.

Кампании эти Эксквемелин описывает великолепно, создавая у читателей зримое представление и об обстановке в Испанской Америке, и о боевой тактике наиболее выдающихся пиратских вожаков.

Пожалуй, только один-единственный раз последователям Олоне и Моргана удалась операция такого масштаба. В 1683 году фламандец Ван Хорн, посадив на свои корабли тысячу двести пиратов, предпринял набег на несметно богатый Веракрус и взял там добычу, не уступавшую панамским призам Моргана.

Но поход Ван Хорна относится уже к эпохе упадка пиратского промысла. В конце XVII века деятельность антильских пиратов начала внушать опасения Лондону, Версалю и Гааге. Мавр сделал свое дело: мощь испанской империи была подорвана окончательно и великие европейские державы не

нуждались уже в услугах чернознаменных союзников. После Утрехтского мира (1713 г.), завершившего двенадцатилетнюю войну за испанское наследство, обстановка в Карибском море резко изменилась. Франция взяла на себя роль опекуна Испании, Англия, в том же Утрехте, обеспечила себе долю в испанском наследстве: она получила право «асьенто» – ввоза черных рабов в испанские владения и право на торговлю в некоторых гаванях Испанской Америки, и в частности в гавани Пуэрто-Бельо. Для реализации этих вырванных силой привилегий надо было ввести в русло избыточную энергию буканьеров и флибустьеров.

И многопушечные английские и французские фрегаты стали на стражу морских дорог Золотого флота. Пиратский промысел увял, и хотя и не угас окончательно, но золотые дни панамской авантюры Моргана ушли в далекое и невозвратное прошлое.

Если обладателем псевдонима Эксквемелин действительно был голландский странствующий сочинитель Хендрик Смекс, то ему довелось дожить до поры заката антильского флибустьерства.

* * *

Мы уже отмечали, что книга Эксквемелина – исторический источник исключительной важности. Возвращаясь к этой «библии пиратской литературы», особо подчеркнем,

что она отличается поразительной объективностью. В отличие от авторов последующих времен, подвизавшихся на поприще «пиратской» беллетристики, Эксквемелин не был романтиком.

И беспощадная ясность этой книги, предельно насыщенной богатейшей и тщательно выверенной информацией, позволяет истинной мерой оценить действия и помыслы антильских рыцарей наживы. Порой отчетливо и резко прорисовываются на страницах эксквемелиновской книги фигуры этих паладинов чистогана. Рок Бразилец, грубый, неотесанный, бешеный, словно фурия, герой дерзких набегов и диких кутежей, показан автором во всем его скотоподобии; так же остро и точно описан один из наиболее удачливых пиратов эксквемелиновского времени – Франсуа Олоне. Вот яркий штрих, который характеризует этого отважного изверга лучше многостраничных описаний: «Уж если начинал пытать Олоне и бедняга сразу не отвечал на вопросы, то этому пирату ничего не стоило раззять свою жертву на части, а напоследок слизать с сабли кровь». Этот же Олоне избирал для очередных набегов города, закрепленные наилучшим образом, ибо, чем крепче были стены обреченных на разорение городов, тем большую добычу можно было взять на их пепелище.

Но особенно удачны в книге Эксквемелина главы, посвященные Генри Моргану. Этот, выражаясь пушкинским языком, «полумилорд-полуподлец» дан во всей своей кра-

се. Морган внушает восхищение своей дерзновенной отвагой (достаточно вспомнить его блестящую победу над куда более могущественным противником в горле лагуны Маракайбо), Морган вызывает омерзение своими изощренными жестокостями, Морган вновь пленяет читателя поистине гениальным замыслом Панамского похода и вновь его разочаровывает в той главе, где описываются его безуспешные и совсем не кавалерственные попытки покорения испанской пленницы.

О страшной участи, постигшей Олоне, Эксквемелин распространяется весьма подробно, но, касаясь дальнейшей карьеры Моргана, он лишь указывает, что судьба этого пирата сложилась более удачно.

Добавим, что удача эта была феерической. Бывший раб барбадосского сахарного магната, бывший предводитель пиратов, предавший гибели множество богатейших городов Испанской Америки, стал затем вице-губернатором Ямайки и получил от английского короля дворянское звание.

Вспомним, что двойник Моргана саббатинивский капитан Блад под конец своей пиратской карьеры также удостоивается великих милостей со стороны его величества короля Вильгельма III. Но в сравнении с эксквемелиновским Морганом капитан Блад – это тигр из мехового магазина...

Хотя нам неведома истинная профессия автора «Пиратов», но что в цифирном деле он был весьма силен, сомневаться не приходится. И с аккуратностью опытного казначея

он снабжает свои зарисовки пиратской Америки точнейшими справками о барышах флибустьерских вожаков и стоимости добычи, взятой ими на суше и на море.

Антильские буканьеры в представлении Эксквемелина – это прежде всего люди выгодного бизнеса. Спору нет, их промысел сопряжен с риском, но при выручке в одну тысячу или пять тысяч процентов на затраченный капитал риск этот окупается с лихвой.

Корыстные помыслы этих деловых разбойников Эксквемелин не склонен клеймить обличительными сентенциями. Сын страны, которая стала главным ростовщиком Европы, Эксквемелин прекрасно понимал, что технические приемы амстердамских банкиров и эмиссаров ост-индских и вест-индских компаний по существу мало чем отличаются от методов Пьера Большого или Рока Бразильца.

Скорее его возмущает мотовство и нерасчетливость антильских рыцарей наживы, качества, противопоставленные людям деловой складки, денно и ночью радеющим о приумножении своих капиталов.

Несколько слов о стиле «Пиратов». Читателей, у которых представления о флибустьерах и корсарах южных морей связываются с повестями Висенте Ривы Паласьо, Стивенсона и Саббатини, эта книга на первых порах, быть может, несколько разочарует. Нет в ней ни романтики жестоких abordажных стычек, ни гумилевских брабантских кружев, обрызганных кровью, ни зловещих Билли Бонсов с черной повязкой

на глазу.

«В год 1666, второго мая, мы отбыли из гавани Гаврде-Грас на корабле „Сен-Жан“, принадлежавшей Дирекции Высокой Французской Вест-индской компании, и было на этом корабле двадцать восемь пушек, двадцать моряков, двести двадцать пассажиров, состоящих на службе компании, и вольных особ со слугами».

Этой фразой, сжатой и несущей заряд строго необходимой информации, начинается книга. В таком же стиле, стиле путевых записок вдумчивого и наблюдательного путешественника, выдержаны все ее главы.

Ни сочных эпитетов, ни ярких метафор, ни лирических отступлений в книге нет. Кровавые закаты, зеленый мрак непроходимых лесов, синева панамского неба не прельщают этого трезвого и сдержанного летописца пиратской Америки. Его описания растительного и животного царства Эспаньолы, Тортуги, Материковой земли бесстрастны, как опись имущества, и обстоятельны, как отчеты опытного оценщика земельных угодий.

Но зато какое яркое и «емкое» представление о странах тропической Америки создается у читателя этой книги. С полным правом ее можно признать одним из наиболее выдающихся произведений географической литературы XVII века.

Сообщения о боевых операциях пиратов точны и ясны. Их обычаи и нравы, их повседневная жизнь описаны с исчер-

пывающей полнотою, и при этом так, что у читателя создается четкое и рельефное представление о флибустьерском быте.

Язык книги суховат, чувство меры неизменно владеет автором, все в книге выдержано в строгих «черно-белых» тонах, лексика проста, порой несколько грубовата: ведь повествование ведется от лица заурядного лекаря, волей случая заброшенного на край света, и правила этой хитрой игры Эксквемелин соблюдает с чисто голландской основательностью.

По существу его книга – это великолепный репортаж; вся она «сработана» таким образом, чтобы дать читателю при минимальной затрате изобразительных средств максимальную информацию о ходе событий в флибустьерском мире и о той обстановке, в которой эти события протекают.

И удивительная вещь! Уж коли приступаешь к этой книге, казалось бы отнюдь не предназначенной для легкого чтения, оторваться от нее не можешь...

Впрочем, читатели в этом, вероятно, убедятся сами и должным образом оценят умную книгу одного из умнейших авторов эпохи Пьеров Больших и Джонов Морганов.

В основу перевода положено первое издание «Пиратов Америки» 1678 года. В этом и во всех последующих изданиях транскрипция испанских географических названий и испанских имен весьма неточна и разноречива. В силу этого названия всех пунктов, расположенных в пределах бывших испанских владений в Америке, а также испанские имена да-

ны по испанскому изданию 1681 года. Иллюстрации и старинные карты заимствованы из издания 1678 года.

Я. Свет[(1968)]

Пиратская Америка, или пираты Америки

Подробные и правдивые повествования обо всех знаменитых грабежах и нечеловеческих жестокостях, учиненных английскими и французскими разбойниками над испанским населением Америки, состоящие из трех частей:

Часть первая повествует о том, как и при каких обстоятельствах автор попадает на корабль, об обычаях команды в море и на берегу, о первых встречах с морскими разбойниками и кто они на самом деле, далее рассказывается о прибытии французов на Эспаньолу, природе острова, его обитателях и их образе жизни.

Часть вторая повествует о появлении пиратов, о причинах по которым практически невозможно говорить о нанесении ущерба пиратству в данных широтах, о людях, поднимающих черный флаг над мачтами своих кораблей, о порядках, царящих в их рядах и взаимоотношениях между собой, а также о различных походах против испанцев.

Часть третья повествует о сухопутных походах, учиненных пиратами южных морей против мирного населения

*нарождающихся новых городов и цветущих колоний, о со-
жжении города Панама английскими и французскими пира-
тами, а также о тех походах, в которых автор участия не
принимал.*

В книге имеется приложение⁹:

*Краткое описание американских владений короля испан-
ского Карла II, их доходов и системы правления.*

*Кроме того, прилагается краткое описание наиболее ин-
тересных мест, находящихся под властью христиан.*

*Писал А. О. Эксквемелин, который волею судеб был
участником всех этих пиратских походов.*

*Книга иллюстрирована прекрасными гравюрами, карта-
ми и портретами. Амстердам. Напечатано у Яна тен Хор-
на. 1678 год.*

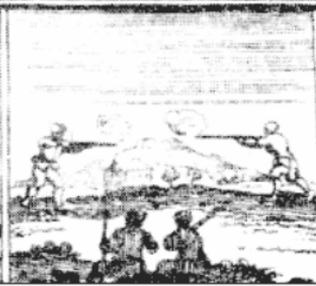
---

⁹ ...в книге имеется приложение... В первом издании «Пиратов» вслед за по-
вествованием Эксквемелина было напечатано небольшое приложение – описа-
ние системы правления, доходов, населения, кораблей и войск в испанских вла-
дениях в Америке. В введении к книге издатель Ян тен Хорн сообщал, что, хо-
тя приложение читается не столь живо, как остальной текст, оно очень важно.
В XVII веке переводчики «Пиратов» это приложение в книгу включали, но впо-
следствии, даже в голландских изданиях (например, 1931 года), когда такое опи-
сание стало представлять только исторический интерес, приложение стали опу-
скать, поскольку, собственно, к Эксквемелину оно отношения не имеет. В насто-
ящем издании приложение не печатается.

**Часть первая, повествующая о
полном опасностей плавании в
южные моря, о людях и природе
тех стран, о приключениях столь
же страшных, сколь и прекрасных**

1690. Bougain's 2001

Глава первая. Отбытие автора в западную часть Америки на службу во Французскую Вест-индскую компанию. Встреча на море с английским военным кораблем. Прибытие на остров Тортуга

В год 1666, второго мая, мы отбыли из гавани Гавр-де-Грас¹⁰ на корабле «Сен-Жан», принадлежавшем Дирекции Высокой Французской Вест-индской компании, и было на этом корабле двадцать восемь пушек, двадцать моряков, двести двадцать пассажиров, состоящих на службе Компании¹¹, и вольных особ со слугами. У мыса Бофлер мы остановились, чтобы встретиться с еще семью кораблями Компании, шедшими из Дьеппа, и военным судном с тридцатью семью пушками и с командой в двести пятьдесят человек. Два корабля направлялись в Сенегал, пять – на Карибские

---

¹⁰ ...мы отбыли из гавани Гавр-де-Грас... Французский порт Гавр на берегу Нормандии. В XVII веке был основным пунктом, откуда французские корабли направлялись в Америку. Однако первые французы, появившиеся на Тортуге, были нормандцами из Дьеппа. Они и окрестили остров Новой Нормандией.

¹¹ ...и было на корабле двести двадцать пассажиров, состоящих на службе Компании... Для табачных плантаций на Тортуге Французская Вест-индская компания (создана Ж. Б. Кольбером в 1664 году и ликвидирована в 1674 году) вербовала рабочих во Франции. Срок контракта в Компании был не меньше трех лет.

острова, а мы – на остров Тортугу. Вскоре к нам присоединилось еще около двадцати судов, шедших к Ньюфаундленду, и несколько голландских кораблей, которые направлялись в Ла Рошель, Нант и Сен-Мартен. Таким образом, флотилия наша состояла из тридцати судов, и мы готовы были принять бой, ибо узнали, что недалеко от острова Орнай нам пересекли путь четыре английских фрегата (каждый по шестьдесят пушек).

Наш командир кавалер Сурди отдал необходимые распоряжения, и мы пошли под всеми парусами при попутном ветре, а туман очень кстати быстро скрыл нас от англичан. Чтобы избежать встречи с врагом, мы шли вплотную к французскому берегу и встретили фламандский корабль из Остенде. Его шкипер пожаловался нашему командиру, что в это утро был ограблен французским пиратом. Военный корабль тотчас же погнался за пиратом, но догнать его не смог. Тем временем французы, приняв нас за англичан, подняли по всему берегу тревогу, ибо они опасались, что мы совершим высадку. Хотя мы и подняли наши флаги, нам не поверили.

Затем мы отдали якорь у рейда Конкет в Бретани (близ острова Уэссан), чтобы запастись провиантом и пресной водой. Взяв все необходимое, мы снова отправились в путь, намереваясь обойти мыс Ра-де-Фонтено, дабы избежать пролива Сарлинг, где мы рисковали встретиться с английскими военными кораблями. В этом проливе очень сильное течение и множество утесов. Он расположен у французского бе-

рега на $48^{\circ}10'$ северной широты и весьма опасен, так как его рифы скрыты под водой. Поэтому на нашем корабле все, кому не доводилось здесь плавать, были крещены на следующий манер.

Главный боцман облачился в длинный балахон, надел шляпу забавного вида и взял в правую руку деревянный меч, а в левую – горшок с колесной мазью. Его лицо было вымазано сажей. Он нацепил на себя ожерелье из деревянных гвоздей и прочих корабельных мелочей. Все, кого еще судьба не заносила в эти края, становились перед ним на колени, и он крестил им лбы, ударяя при этом по шее деревянным мечом, а подручные боцмана обливали их водой. Сверх этого каждый «крещеный» должен был отнести к грот-мачте бутылку вина или водки. Впрочем, у кого вина не было, того и не просили об этом. На тех кораблях, которые еще сами не бывали в этих местах, брали вино и с их командиров; все это сносили к мачте и делили.

Голландцев также крестили возле этих утесов. Крестили их и близ утесов Берланга, лежащих недалеко от берегов Португалии на $39^{\circ}40'$ северной широты. Это очень опасные рифы, потому что ночью они совершенно не видны из-за высокого берега. Способ крещения у голландцев совсем не такой, как у французов. У них принявшие крещение, словно преступники, трижды прыгали в воду с самой высокой реи, а некоторым, по особой милости, разрешали прыгать с кормы. Но истинным геройством считался четвертый прыжок – в

честь Его Высочества¹² или капитана. Того, кто прыгал первым, поздравляли пушечным выстрелом и поднятием флага. Кто не желал лезть в воду, платил по голландским правилам двенадцать стюйверов¹³, а офицеры – половину рейксдалдера¹⁴. Пассажиры же платили столько, сколько с них потребуют. Со шкиперов кораблей, еще не бывавших в этих водах, брали большую бочку вина; если они противились, в отместку отсекали фигуру на носу корабля, и шкипер или капитан не имели права воспрепятствовать этому. Все полученное передавалось главному боцману, который хранил трофеи до захода в гавань, а там на вырученные деньги покупали вино и делили со всеми находившимися на корабле без исключения. Ни голландцы, ни французы так и не могли растолковать, зачем все это делается, говорили только, что это старый морской обычай. Некоторые утверждают, что этот обычай был установлен императором Карлом V¹⁵, но в его законах ничего подобного не значится. Я написал обо всем этом, поскольку речь зашла о морских церемониях, теперь же мы снова отправимся в наше путешествие.

Когда мы миновали пролив, нас подхватил попутный ве-

---

¹² ...четвертый прыжок в честь Его Высочества – то есть правящего принца Оранского.

¹³ ...Стюйвер – голландская монета в 5 центов.

¹⁴ ...Рейксдалдер – голландская монета, равная 2,5 гульдена.

¹⁵ ...он был установлен императором Карлом V... Речь идет об императоре Священной Римской империи Карле V, правившем в Германии с 1519 по 1556 год.

тер, и мы дошли до мыса Финистерре, но там попали в жестокую бурю и потеряли друг друга из виду. Шторм длился восемь дней. Было жалко смотреть, как корабль бросало из стороны в сторону и пассажиры падали с правого борта на бак, не имея сил подняться, потому что всех трепала морская болезнь. Матросы, занятые работой, просто переступали через них. Потом снова все стихло, небо прояснилось, и мы пошли своим курсом так быстро, что вскоре пересекли тропик Рака. Это круг, придуманный звездочетами; он лежит словно пограничная черта по пути солнца на север на $23^{\circ}30'$ северной широты. Тут нас снова крестили тем способом, о котором я уже упоминал, потому что у французов в обычае крестить и под тропиком Рака, и под тропиком Козерога. И нас подхватил попутный ветер, что было для нас весьма кстати, поскольку воды уже не хватало и в день приходилось не больше двух муций на человека¹⁶.

На широте острова Барбадос мы заметили английский пиратский корабль, который вознамерился догнать нас. На нем было двадцать четыре пушки. Но, заметив, что мы сильнее, он ушел от нас. Мы пустились в погоню и выстрелили из наших восьмифунтовых пушек, но паруса у него были лучше, и мы скоро отстали.

После этого мы опять легли на свой курс и вскоре увиде-

---

¹⁶ ...не больше двух муцин на человека... Муция – старинная голландская мера жидкости, равная 1,5 дл.

ли остров Мартинику. Мы стремились к рейду Св. Петра¹⁷, но разыгравшийся на дальнейшем пути шторм задержал нас. Мы решили было отправиться в Гваделупу, но шторм оказался таким сильным, что мы не смогли пройти и туда. В конце концов, никуда не заходя, мы дошли до острова Тортуги, куда, собственно, и направлялись. Мы проследовали вдоль берега Пунта-Рики¹⁸, веселого и прекрасного острова, заросшего лесом до самых вершин. Вскоре перед нами открылся остров Эспаньола, который мы опишем позже. И наконец 7 июля этого же года мы достигли острова Тортуги, не потеряв ни одного человека. Здесь были разгружены товары Компании, и корабль с несколькими пассажирами отправился в Кюль де Сак¹⁹.

---

¹⁷ ...мы стремились к рейду Св. Петра... Речь идет о гавани Сен-Пьер на острове Мартиника.

¹⁸ ...мы проследовали вдоль берега Пунта-Рики... Очевидно, Эксквемелин имеет в виду остров Пуэрто-Рико. В издании 1678 года в основном тексте Эксквемелина было немало опечаток, которые издатель в специальном обращении к читателю предлагал, заметив, исправить. Однако в написании географических названий встречающиеся разночтения, вероятно, не считались опечатками. Так, Эксквемелин пытался максимально точно поведать читателю о том, что он сам встречал и слышал.

¹⁹ ...корабль с несколькими пассажирами отправился в Кюль де Сак... В тексте встречаются и такие написания: Cal de Sac, de Culsac и т. д. Кюль де Сак – тупик; так называют в Вест-Индии бухты-сумки и впадину на западе Гаити, вероятно, к последней, а не к мысу и направлялся корабль.

Глава вторая. Описание острова Тортуги, растений и плодов. Как там очутились французы и дважды были изгнаны испанцами. А также о том, как автор был там трижды продан

Остров Тортуга находится примерно в двух милях к северу от великого и славного острова Эспаньола. Он лежит на $20^{\circ}30'$ северной широты и имеет в окружности около шестнадцати миль. Название свое остров получил из-за сходства с гигантской черепахой (Тортуга по-испански черепаха). Весь остров в скалах. На нем везде большие деревья, которые растут прямо среди камней; земли там почти нет, и их корням деваться некуда. Северная часть острова необитаема и очень неприветлива, там нет ни гавани, ни отмелей, разве что небольшие площадки между утесами. Поэтому заселена лишь южная часть острова, где есть гавань и куда могут приставать корабли. Обитаемая сторона делится на четыре части: самая лучшая из них – Ля бас тер (Низменная земля), именно туда пристают корабли. Там есть селение Кайон, в котором живут богатые плантаторы. Другая, Ле миль плантаж, обжита совсем недавно и славится табаком. Самая западная часть острова называется Ля Ринго. В четвертой части, а называется она Ля Монтань, находятся самые древние

плантации этого острова. Гавань хорошая, она защищена от рифов, и к ней ведут два прохода. На дне тонкий песок. В нее могут заходить и семидесятипудовые корабли.

Растительное же царство острова Тортуги необычайно разнообразно. Здесь растут бразильское дерево²⁰, красный, белый и желтый сандал. Желтое сандаловое дерево здешние жители называют буа де шандель (свечное дерево), потому что горит оно ярко, словно свеча. Когда ночью идут на рыбную ловлю, из него делают факелы. Растет на острове и лигнум санктум, в других странах его называют покхаут²¹, а также деревья, которые постоянно гноятся какой-то особой смолой, и китайский корень²², однако он не так хорош, как ост-индский. Он мягкий и белый, и его охотно едят дикие свиньи, которые вообще ничем не питаются, кроме него. Встречаются здесь алоэ и другие лекарственные растения, а также деревья различных пород, пригодные для постройки кораблей и домов. На острове есть все плоды, которые можно найти на Карибских островах: маниок, батат, иньям²³, ар-

---

²⁰ Бразильское дерево... Эсквемелин называет его *stockvishout*. Вероятно, он имеет в виду *Caesalpinia L.* – цезальпинию. Это дерево дает древесину красного цвета.

²¹ Покхаут, или французское дерево... Речь, вероятно, идет о разновидности *lignum Sanctum L.* – кустарника, из сока которого приготавливали настои, применявшиеся как лекарство от венерических болезней.

²² Китайский корень... Эсквемелин пишет *Radix China*, вероятно, имея в виду. Растение, корни которого принимали в Вест-Индии за женьшеневые.

²³ Иньям – растение семейства диоскорейных – выющиеся травы со съедобными клубневидными корнями, богатыми крахмалом.

бузы, испанские дыни²⁴, пакиайи²⁵, карасоль²⁶, мамай²⁷, ананасы, плоды акажу²⁸ и другие, которые я перечислять не стану, чтобы не отвлекать внимания читателей. Сверх этого там множество различных пальм, из мякоти которых можно готовить вино, а листьями покрывать дома.

На острове много диких свиней, но охота с собаками на них запрещена, ибо остров мал, а свиней надо беречь на случай, если нападут враги и жителям придется укрываться в лесах. Охота там очень опасна из-за утесов, поросших мелким кустарником. По неосторожности можно с них легко свалиться. Так уже погибло множество людей. На дне между скалами немало скелетов, и никто не может сказать, сколь долго они лежат.

В определенное время года на остров прилетает много голубей, и жители могут прокормиться ими, не ведая нужды в другом мясе. Но проходит время, и голуби становятся несъедобными, потому что они клюют очень горькие семена, худеют и мясо их становится горьким. На берегу всегда много

---

²⁴ Испанские дыни... Вероятно, один из видов растений семейства тыквенных.

²⁵ Пакиайи... очевидно, автор имел ввиду плоды папайи. *Carica papaya* – дынное дерево высотой 4–6 м, часто встречающееся в тропиках.

²⁶ Карасоль... *Annona Cherimolia*, *Annona squamosa*. Принадлежит к растениям, близким к магнолиевым, и дает плоды грушевидной формы, ароматная мякоть которых по цвету и нежности напоминает сливки.

²⁷ Мамай... *Mammea americana* L. – маммой американский. Его называют также абрикосом из Санто-Доминго.

²⁸ Плоды акажу – плоды красного дерева.

морских и речных крабов. Они огромны и вполне съедобны. Рабы и слуги едят крабов довольно охотно, у них приятный вкус, но для здоровья крабы вредны, ибо если потреблять их часто в пищу, то начинаются такие головокружения, что все идет кругом, и порой люди на короткое время почти слепнут.

Французы, основав в свое время колонию на острове Сен-Кристофер и изрядно укрепив ее, снарядили несколько судов и послали их на запад в поисках новых мест. Вначале они высадились на берегу острова Эспаньола. Выйдя на сушу, они убедились, что земли там очень плодородные и изобилуют одичавшими быками, коровами, свиньями и лошадьми. Но, взяв в расчет, что никакой выгоды от этих диких стад не будет, пока не устроят загонов (а этого они не могли сделать, потому что остров Эспаньола уже был заселен испанцами), французы решили, что лучше всего обосноваться на острове Тортуге. Без каких-либо потерь они выгнали десять или двенадцать испанцев, которые там жили, и примерно полгода им никто не мешал. Потом на своих каноэ они отправились домой и возвратились с новыми поселенцами, решив заложить на острове плантации. Тем временем испанцы, которые не могли спокойно спать из-за этих приготовлений, снарядили несколько судов и высадились на Тортуге, чтобы занять ее снова. Это им не удалось, потому что французы сразу же скрылись со своим скарбом в лесах, а на следующее утро ушли на каноэ в море. У французов было большое преимущество: у них не было ни женщин, ни детей, каждый мог

быстро скрыться, найти себе пропитание и легко известить соотечественников о случившемся и тем самым помешать испанцам построить на острове укрепления.

Испанцы отправились за ними в погоню, думая рассеять их и уморить с голоду, как они это делали с индейцами. Однако у них ничего не вышло, поскольку у французов было много пороха и ружей. Французы выбрали момент, когда почти все испанцы перебрались за ними на большую землю²⁹, и возвратились на Тортугу, перебив всех, кто там еще остался, а затем уничтожили и возвратившихся испанцев. Так они снова стали хозяевами острова.

Овладев островом, французы сразу же послали верного человека к губернатору и одновременно военачальнику острова Сен-Кристофер. Они попросили прислать им собственного губернатора, чтобы он правил народом и помог засеять всю землю. Губернатор внял этой просьбе и тотчас же приказал снарядить корабль, стоявший на рейде, отправив на нем в качестве губернатора мосье Ле Вассера. Ле Вассер возглавил большой отряд и взял с собой все необходимое. Как только новый губернатор прибыл на остров, он приказал на одной из скал построить форт, который защитил бы гавань от вражеских кораблей. Этот форт был неприступен, потому что на тропе, ведущей к нему, едва могли разойтись два человека. На склоне горы была пещера, которую использовали

---

²⁹ ...испанцы перебрались за ними на большую землю... Эксквемелин имеет в виду остров Эспаньола.

как склад оружия, а на вершине имелась удобная площадка для батареи. Губернатор приказал построить рядом с ней дом и установить там две пушки, соорудив для подъема на форт переносную лестницу, которую в случае нужды можно было убрать. На территории форта был вырыт колодец, и воды в нем хватило бы на тысячу человек. Вода поступала из родника, и, таким образом, извне колодец был совершенно недоступен. Вокруг форта разбили плантации, где стали выращивать табак и фрукты.

Когда французы основали колонию и укрепились на острове, они начали ходить на большую землю на охоту, добывать шкуры; те же, кто не имел к этому склонности, повадились грабить испанские берега, что, впрочем, они делали и раньше. А у кого на руках были женщины, остались на острове; некоторые из них занялись разведением табака, другие сбором древесного сока, и каждый добывал себе такими способами пропитание.

Между тем испанцы никак не могли успокоиться и допустить, что французы выживут окончательно их с острова. Они дождались удобного момента, когда большинство французов ушло в море, а часть была на охоте, снарядили каное и отправились на Тортугу вторично, прихватив с собой несколько пленных. Испанцев было восемьсот человек, французы не смогли удержать остров и поэтому укрылись в форте. Губернатор приказал срубить вокруг него все деревья, чтобы лучше видеть врагов. Испанцы поняли, что без

пушек им форта не взять, и принялись совещаться, как быть дальше. Поскольку все высокие деревья, окружавшие форт, были срублены, открылась возможность обстрелять его с соседней горы. Испанцы отплыли от берега и через некоторое время втащили пушки на эту гору. Гора была довольно высокая, и с ее вершины виден был весь остров. Склоны горы были крутыми и обрывистыми, взобраться наверх было очень трудно. Как это удалось испанцам, я расскажу ниже.

Испанцы привезли много рабов и слуг, среди которых были метисы, или полукровки, и индейцы. Они-то и должны были проложить путь через скалы, чтобы доставить пушки на вершину и устроить батарею, которая открыла бы огонь по форту и принудила французов сдаться. Но как только испанцы принялись за дело, французы нашли способ отбить пушки. Ночью на Тортуге высадились охотники и пираты и тайком взобрались на вершину горы по ее северному склону. К таким делам они были вполне привычны. Испанцы с большим трудом все же втащили пушки на гору, рассчитывая обстрелять форт на следующий день. Они не подозревали о вылазке французов. Но утром (а к тому времени они привели пушки в порядок) французы неожиданно напали на них с тыла и многих из них сбросили с горы. Ни один из испанцев не уцелел, все переломали себе шеи и ноги. Остальных французы тоже перебили без всякой пощады. Те испанцы, которые остались на берегу, поняли, что произошло нечто ужасное, и тут же отплыли и больше уже не пытались захватить остров.

После этого Тортуга оказалась в полной власти губернатора, который хозяйничал на ней вплоть до 1664 года, пока остров не перешел во владение Французской Вест-индской компании и губернатором не был назначен мосье Ожерон. Компания наводнила колонию своими уполномоченными и слугами, решив заняться прибыльной торговлей с испанцами, как это делали голландцы на Кюрасао³⁰. Однако Компании не повезло. Она надеялась вступить в сделку с враждебной нацией, а такого быть не могло. Каждый, будь то пират, охотник или плантатор, вначале покупал все в долг, но, когда дело дошло до оплаты, никто платить не стал. Тогда Компания была вынуждена отозвать своих агентов и приказала им продать все, что у нее было, а торговлю свернуть. Все слуги Компании были проданы, кто за двадцать, кто за тридцать реалов³¹. Меня также продали, потому что я был слугой Компании, как назло, имел несчастье попасть к самой отменной шельме на всем острове. Это был вице-губернатор, или помощник коменданта. Он издевался надо мной, как мог, морил меня голодом, чтобы вынудить откупиться за триста реалов, и ни на минуту не оставлял в покое. В конце концов

---

³⁰ ...как это делали голландцы на Кюрасао... Остров Кюрасао был занят испанцами в 1527 году, но в 1634 году был захвачен голландцами и окончательно уступлен Голландии по Вестфальскому миру 1648 года.

³¹ Реал... В голландском тексте *stuck van achten*, что в переводе значит осьмушка. Во французском переводе встречается как экю. Скорее всего Эксквемелин имеет в виду испанские серебряные реалы. 8 серебряных реалов в XVII веке соответствовали 1 песо.

из-за всех этих невзгод я тяжело захворал, и мой хозяин, опасаясь, что я умру, продал меня за семьдесят реалов одному хирургу. Но по выздоровлении я оказался совершенно наг, у меня только и осталось что рубашка да старые штаны. Мой новый хозяин был несравненно лучше: он дал мне одежду и все что было необходимо, а после того как я отслужил у него год, предложил выкупиться за сто пятьдесят реалов, причем он готов был повременить с уплатой до тех пор, пока я не накоплю эти деньги.

Обретя свободу, я оказался гол, как Адам. У меня не было ничего, и поэтому я остался среди пиратов, или разбойников, вплоть до 1672 года. Я совершил с ними различные походы, о которых и собираюсь здесь рассказать. Но вначале хочу описать остров Эспаньола, чтобы любознательный читатель ведал все о землях в западной части Америки.

Глава третья. Самое полное и достоверное описание большого и славного острова Эспаньола

Остров Эспаньола вытянут с запада на восток. Он расположен между $17^{\circ}30'$ и 20° северной широты. В окружности этот остров достигает трехсот миль: он простирается на сто двадцать миль в длину и примерно на пятьдесят в ширину и в одном месте суживается. Я не стану утомлять благосклонного читателя историей открытия этого острова, поскольку

каждый знает, что его открыл в 1492 году Христофор Колумб, посланный доном Фернандо, королем Испании³². С тех пор и поныне остров находится во владениях Испании. На нем много различных городов и прекрасных селений. Все они построены испанцами. Здешняя столица – город Санто-Доминго, и назван он так в честь святого Доминика. Город этот находится в южной части острова на 18°13′ северной широты и лежит примерно в сорока милях от крайней оконечности восточного мыса – Пунта-дель-Эспада. Город обнесен каменной стеной, и в нем сильная крепость, господствующая над всей гаванью. Гавань эта превосходна: в ней могут найти пристанище множество кораблей и все они будут надежно защищены от любых ветров, кроме южного. Вокруг города прекрасные плантации, где произрастают разнообразные плоды – все, какие только могут встретиться в этих местах. В городе живет губернатор острова. Его называют здесь президентом. Отсюда снабжают всем необходимым остальные города и селения острова: ведь испанцы не торгуют больше ни в одной гавани, кроме этой. Большинство проживающих здесь людей купцы и лавочники.

Город Сантьяго-де-лос-Кабальерос назван в честь святого Иакова³³. Он расположен в глубине острова близ 19° север-

---

³² ...Колумб, посланный доном Фернандо, королем Испании... Имеется в виду Фердинанд V Католик, король Арагона и Кастилии, правивший с 1479 по 1516 год.

³³ ...в честь Святого Иакова... Святой Иаков был патроном Испании.

ной широты. Окружных стен у него нет. В нем живут охотники и плантаторы. Вокруг города расстилаются превосходные пастбища, где пасутся большие стада диких животных, так что в этих местах выделывают много кож хорошего качества.

К югу от города Сантьяго находится необычайно живописное селение Эль-Котуи, или Нуэстра-Сеньора-де-Альта-Грасиа, что значит Высокая Милость Богоматери. Вокруг нее раскинулись прекрасные плантации, на которых возделывают большое количество какао или шоколада, имбирь, табак, а также добывают тальк³⁴.

Испанцы, живущие в тех местах, ходят на своих каноэ на остров Савону ловить рыбу и морских черепах, которые вылезают на берег, чтобы откладывать яйца. Этот остров не достоин особого описания. На нем один песок да множество покхаутов. Испанцы в свое время свозили туда коров и быков, надеясь, что они размножатся, но после нападения каперов весь скот истреблен.

---

³⁴ Тальк... Очевидно, это жирные мылистые глины, которые могли употребляться для валки сукон или выделки кожи.

К западу от города Санто-Доминго расположено другое большое селение, и оно называется Эль-Пуэбло-де-Ассо. Жители этого селения поддерживают оживленную торговлю с соседним поселением Сан-Хуан-де-Гоаве, расположенным в самом центре острова. Там много пастбищ, и захватывают они часть острова окружностью миль в двадцать, и пасется в тех местах множество диких коров и быков. В этих краях не встретишь ни одного человека, кроме бродячих пастухов и охотников. Большинство люди смешанных кровей: одни – потомки негров и белых (их называют мулатами), другие

– негров и индейцев (их называют алькатрасами)³⁵. Немало там и других полукровок: ведь испанцы относятся ко всем небелым женщинам точно так же, как и к своим соотечественницам.

Это селение поставляет большое количество сала и кож, там не занимаются ничем другим. Из-за частых засух обрабатывать тамошнюю землю бесполезно. Вот, собственно, и все, что находится в распоряжении испанцев, начиная от мыса Лобос, лежащего неподалеку от Сан-Хуан-де-Гоаве, до мыса Самана на северо-востоке и от Пунта-дель-Эспада до мыса Лобос. Остальная часть острова населена французами, которые промышляют лесом и работают на плантациях.

На острове много хороших гаваней. Они встречаются начиная от мыса Лобос вплоть до мыса Тибурон, расположенного в западной части острова. Четыре или пять гаваней, пожалуй, самые лучшие в этих местах (они превосходят даже английские) и окружены плантациями, долинами и реками, в которых, наверно, самая лучшая вода на свете. Есть там и отличные отмели, и туда выходят черепахи класть яйца. От мыса Тибурон вплоть до мыса Донья Мария всего две гавани, а от мыса Донья Мария до мыса Сан-Николае (Ле-Моль-Сен-Никола) целых двенадцать прекрасных гаваней. В каждую из них впадает по две или три речки, богатые рыбой. В северной части острова тоже много различных городов и селений, но в свое время они были опустошены голландцами

---

³⁵ Алькатрас – соответствует распространенному термину самбо.

и испанцы покинули их навсегда.

Глава четвертая, повествующая о плодах, деревьях и животных, встречающихся на острове Эспаньоле

Остров Эспаньола богат различными растениями. Здесь есть большие равнины – от пяти до шести миль в окружности. Некоторые из них засажены апельсиновыми деревьями, одни – сладкими сортами, другие – кислыми. Встречаются здесь и лимонные деревья, однако дают они плоды не таких сортов, какие привозят из Испании. По величине эти лимоны не больше куриного яйца и намного кислее обычных. Здесь есть и немало мест, где растут пальмы. Здешние пальмы весьма внушительных размеров и выглядят очень забавно. Некоторые деревья достигают примерно ста двадцати – двухсот футов в высоту, сучьев у них нет, а где-то вверху от ствола отходят широкие стебли, мякоть которых по вкусу напоминает белокачанную капусту. На этих стеблях сидят листья и початки. На каждом дереве не меньше двенадцати таких листьев. Каждый месяц они опадают и снова через месяц на их месте появляются новые. Плоды созревают каждый год, и сидят они прямо на стеблях, которые, как я уже говорил, напоминают по вкусу капусту и вполне съедобны. Если плоды эти прокипятить, то они от капусты не отличаются совсем. Семенами этих пальм питаются дикие свиньи.

Листья достигают примерно двух или трех футов в ширину и семи или восьми футов в длину. Листья эти довольно крепкие; ими кроют хижины, для чего их копят (как это делается, я расскажу позже) и кладут прокопченной стороной внутрь. С внешней стороны эти листья зеленые, с тыльной – белые. Содрав с них кожицу, ее используют как пергамент, и писать на этой кожице можно, как на бумаге. А если внезапно начинается дождь и поблизости нет никакого укрытия, то эти листья дают надежную защиту. В случае надобности из них можно делать ведра и в них держать питьевую воду. Листья эти могут сохранять влагу не дольше семи-восьми дней. Древесина этих пальм необычайно твердая, но сердцевина легко режется ножом. Твердый слой древесины, собственно, не толще трех или четырех дюймов, а ствол настолько могуч, что его едва могут обхватить два человека. Эти деревья встречаются по всему острову и растут на любой, самой неплодородной почве. Из их сердцевины можно готовить и вино. Готовят его обычно следующим образом: дерево спиливают примерно в трех или четырех футах от земли, на спиле делают четырехугольный надрез, и со временем в него собирается сок, да такой крепкий, что его уже можно пить.

Французы называют эти пальмы французскими капустными пальмами. Кроме них есть и другие разновидности, которые именуются веерником, колючей пальмой, винной пальмой, железной пальмой, шляпной пальмой, или пальми-

сте³⁶, горной пальмой. Пальмы, которые называются веерными, достигают такой же высоты, что и винные пальмы, их листья напоминают веер и бывают в диаметре семи или восьми футов. Их ствол сплошь усеян шипами длиной до полутора футов. Початки на этих деревьях точно такие же, как и на других пальмах, однако они намного больше и толще и тоже служат пищей для диких зверей. Листья этой пальмы пригодны лишь для покрытия хижин. На хорошей земле эти пальмы растут довольно редко и встречаются чаще всего на песках в скалистых местах.

Колючая пальма получила свое название из-за бесчисленных шипов, усеивающих ее ствол от корней вплоть до самых листьев. Шипы достигают в длину трех-четыре дюймов. Некоторые индейские племена, живущие в Южной Америке, этими шипами наносят узоры на коже или пытаются своих пленников. Пытают они следующим образом: пленного привязывают к дереву, обвертывают шипы тряпицей, пропитанной пальмовым маслом, и загоняют их в тело так близко друг к другу, словно они покрывают ствол пальмы. Затем тряпье зажигают. Если пленник при этом напевает, то его объявляют добрым воином и ему не причиняют никакого вреда, если же он орет и визжит, то заключают, что он трус. Об этом я слышал от одного индейца, который сам не раз проделывал подобное над своими врагами. То же говорил и один хри-

---

³⁶ Пальмисте... По-испански этот вид пальмы называли пальмито (*Mauritia flexuosa*).

стианин, долго живший среди индейцев. Однако возвращусь к нашему повествованию и отмечу, что эта разновидность пальмы ничуть не выше веерной, но листья у нее, как у капустной пальмы, хотя сидят и не на столь длинных черенках. Из сока этой пальмы тоже делают неплохое вино, точно таким же способом, который мы уже описали выше. Початки вызревают на этой пальме так же, как и на других, однако ее плоды совсем иного вида – они круглые и не больше даюта³⁷. Внутри у них косточка, она очень твердая и по вкусу подобна доброму испанскому ореху. Эти деревья встречаются чаще всего на побережье в низменных местах.

Винная пальма называется так потому, что из нее можно приготовить много вина. В высоту она не больше сорока – пятидесяти футов и на вид весьма необычна. От самых корней и примерно до половины или двух третей высоты ее ствол не толще трех пядей, а затем он раздувается, как французский бочонок. Это утолщение наполнено веществом, которое подобно мякоти капустной кочерыжки, и соком, довольно приятным на вкус. Когда сок перебродит, он становится крепче любого вина. Чтобы добыть сок, дерево валят. А срубить это дерево можно только огромным ножом, который называют мачете. Когда пальма срублена, в сердцевине высверливают четырехугольное отверстие, в средней части расширенное, и эту дыру называют бочкой. В ней-то и толкут мякоть до тех пор, пока она не разбухнет, а затем вычерпы-

---

³⁷ Дают – мелкая голландская монета, в буквальном переводе грош, полушка.

вают сок руками. Из этого дерева можно получить все, что нужно для приготовления вина. Сок очищают листьями, а потом из них же делают сосуды для готового вина и пьют из них. Плоды этого дерева растут точно так же, как и на всех остальных пальмах, но по величине, виду и цвету напоминают вишню и вполне съедобны, хотя вкус у них вяжущий. Эта пальма растет на высоких местах и в скалах.

Дерево пальмисте называют также шляпной пальмой, и из плодов его изготавливают знаменитые испанские четки. Плоды эти невелики и очень тверды. Пальмы же довольно высокие, листьев у них мало, и растут они чаще всего на вершинах больших гор.

На этом острове встречаются и другие большие и высокие деревья. Они дают плоды размером с дыню (кстати, дыни также растут на острове), в самой середине у них косточка не больше куриного яйца, а мякоть по цвету напоминает дыню. Сверху она серая и вкусом сходна с абрикосом. Плоды эти так и называются французскими абрикосами. Дикая свинья едят их очень охотно. Есть там и другие деревья, например грушевое, плоды которого называют кайемитами³⁸. Эти плоды похожи на большие черные сливы и такого же цвета. Сок у них, как молоко, и очень вкусный, внутри плода по пять, изредка по три зерна величиной не больше турецких бобов. Их тоже едят дикая свинья, но встречаются эти деревья не

---

³⁸ Кайемиты... Вероятно, каймиты – *Chrysophyllum cainito* L. – златолист обыкновенный.

всюду.

Растут в этих местах и большие деревья генипас³⁹. По внешнему виду они напоминают черешню – у них такие же листья, но ветви расставлены очень широко. Их плоды похожи на маковые головки, однако размером они с два кулака. Цвет их скорлупы серый, внутри много мелких семян с кожицей. Семена эти очень странные: кожица у них тонкая, и, проглотив их целиком, можно сильно расстроить желудок. Сок незрелых плодов неприятен на вкус. Он черен как сажа и похож на чернила, но дней через девять выцветает настолько, что все им написанное исчезает бесследно. Древесину этого дерева используют для построек, она очень прочна, и ее легко обрабатывать. Особенно она хороша для кораблей, потому что не боится влаги.

Здесь много и таких фруктовых деревьев, которые уже были описаны другими авторами. Много тут также кедров, испанцы называют их кедром, а французы – акажу (красное дерево). Кедр очень хорош для постройки кораблей и каноэ. Каноэ – это лодки, выдолбленные из цельного ствола дерева, но плавать на них можно не хуже, чем в шлюпке. Индейцы умеют изготавливать такие каноэ без всяких железных инструментов. Делают они это так: дерево обжигают, когда оно еще стоит на корню, и опаливают должным образом. Когда дерево падает, под ним разводят большой костер и становят-

---

³⁹ Генипас... *Genipa Caruto L.* – плодовые деревья, листья которых напоминают листья черешни, а плоды отдаленно похожи на гранат.

ся вокруг с водой наготове, заливая те места, которые обгорать не должны. Затем каменным топором выскабливают выгоревшую древесину и получают новое каноэ. На таких каноэ можно пройти миль двадцать, пятьдесят, а иногда даже и добрую сотню.

Дома и корабли строят и из других деревьев, растущих в этих местах, и, между прочим, из плодовых. Лучшие сорта деревьев – мапу, акома, дуб, бразильское дерево, манцилин, каучуковое дерево. Кроме того, здесь в большом количестве встречаются покхаут и разные лекарственные растения – лигнум алоэ, не меньше чем трех видов, кассиа лигна и китайский корень, правда он не так хорош, как ост-индский.

Мапу⁴⁰ – дерево на диво толстое и поэтому вполне пригодное для изготовления каноэ, но оно уступает акажу, или кедру, поскольку его древесина более рыхлая и быстро тяжелеет от воды. Дерево акома⁴¹ тоже отличается тяжелой древесиной, по цвету она такая же, как древесина пальм, растущих в тех же местах, хорошо обтесывается и полируется. Эта древесина настолько твердая, что из нее делают мельницы для сахара.

Дуб используют гораздо реже. Он идет на всякие поделки, хотя вполне пригоден и для постройки кораблей. Дуб хо-

---

⁴⁰ Мапу... *Seiba pentandra* – дерево с очень толстым стволом и рыхлой древесиной.

⁴¹ Акома... *Rucubea guianensis* – лиственное дерево больших размеров, древесина которого похожа на пальмовую.

рошо сохраняется в воде, и, что особенно важно, его совершенно не берет морской червь в отличие от других пород деревьев.

Бразильское дерево довольно хорошо известно, здесь его называют рыбным деревом. Оно пригодно для многих целей. Это дерево чаще всего встречается на южном побережье острова в местностях Хакмел и Хакина, где легко могут подходить к суше большие корабли.

Дерево манцилин⁴² растет у самого берега, его ветви иногда свисают до самой воды. Плоды этого дерева такие, как у яблони ранет, но очень ядовитые: кто съест такое яблочко, у того начинается жар и одолевает страшная жажда, а цвет кожи меняется. Любая рыба, отведавшая этот плод, тоже становится ядовитой. Его сок похож по цвету на инжирное молоко. И стоит лишь дотронуться до дерева, как на теле сразу появляются жгучие пузыри, причиняющие сильную боль. Я испытал это на себе, когда однажды обломил веточку манцилина, чтобы отогнать комаров. Несколько дней кожу отчаянно жгло, все лицо покрылось пузырями, и почти три дня я ничего не видел.

На здешних берегах есть и такие деревья, плоды которых похожи на знаменитые дамасские сливы. У них точно такие же косточки, и бывают эти плоды светлые и темные. Когда они поспевают, на берегу скапливаются стада диких свиней,

---

⁴² Манцилин... Маншинелла (*Hippomane mancinella*) – плодовое дерево, похожее на яблоню, плоды очень ядовиты.

которые с жадностью пожирают паданцы и сразу же жиреют. Растут эти деревья прямо на песке. По высоте и по форме ветвей они напоминают наш голландский кустарник, который также здесь встречается на дюнах. Это дерево испанцы называют икако.

На острове встречается и другая разновидность плодовых деревьев – абелькосовое дерево⁴³. Плоды у него почти такие же, как у икако⁴⁴; ствол очень высокий и толстый, листья, как у грушевого дерева, но плоды не меньше наших дынь и внутри у них косточка величиной с яйцо, мякоть желтая и такая же плотная, как у дыни, и обладает приятным запахом и вкусом. Французы победнее едят их с мясом вместо хлеба.

После этого краткого описания деревьев и плодов, которыми славится остров Эспаньола, следует уделить внимание и различной нечисти, что водится в здешних краях. Правда, ядовитых гадов нет нигде, но зато вдоволь тут комаров, а жалят они так, что нет от них никакого житья, особенно новичкам. Первая их разновидность по своим размерам напоминает наших дневных комаров. Они впиваются в тело и сосут кровь до того, что уже не в силах бывают взлететь в воздух. Из-за них всегда приходится таскать какую-нибудь ветку и непрерывно махать ею, как корова хвостом. Больше

---

⁴³ Абелькосовое дерево – плодовое дерево с листьями, похожими на грушевые, и большими мясистыми плодами.

⁴⁴ Икако... *Chrysobalanus Icaco* – золотая слива, кустарник или небольшое дерево сем. розовых, дикорастущее в тропиках Америки.

всего они мучают людей по утрам и вечерам. Но пожалуй, самое скверное это то, что они постоянно зудят, и этот гул не смолкает ни на мгновение. Испанцы называют их москитами, а французы – маринганами⁴⁵.

Комары второй разновидности размером не больше песчинки. Летают они совершенно бесшумно, но еще противнее москитов, потому что жалят даже сквозь одежду. Охотники, отправляясь в засаду в заросли, спасаются от них, намазываясь специальным жиром. По вечерам охотникам приходится жечь в хижинах табак или какие-нибудь травы, иначе нет от этих комаров никакого спасения. Летают они и утром, и вечером, и ночью. Днем они, правда, затихают, и, как только поднимается ветерок или наступают первые холода, исчезают. Третья разновидность комаров не меньше горчичного зерна и отличается красным цветом. Они не жалят, но отгрызают на том месте, где садятся, кусочек кожи. Вскоре там появляется струпик, и у людей становится такой вид, будто они поражены неким злым недугом. Эти комары летают днем, ночью их почти не бывает. Испанцы называют их калародами, а французы – рогадос. Есть здесь и такие насекомые, которые по своему виду и окраске похожи на личинок, только побелее и подлиннее. На голове у них два пятнышка. Они светятся ночью так сильно, что, если на дереве сидят два или три таких насекомых, кажется, что сквозь вет-

---

⁴⁵ Москиты, или марингана... Испанцы всех комаров называли москитами (от испанского слова moscas – муха).

ки светится огонь. В мою палатку однажды попали три такие личинки. При свете, который они излучали, можно было читать. Мне очень хотелось привезти их в Европу, но они не вынесли наступивших холодов. А надо сказать, что если раздавить такое насекомое или оно само собой лишится жизни, то – странное дело – свет от него сразу пропадает. Этих насекомых испанцы называют москас де фульго⁴⁶. Встречаются здесь и насекомые, которых просто называют кузнечиками. Стоит кому-нибудь пройти мимо них, они поднимают дикий стрекот и разбегаются в разные стороны.

На острове Эспаньоле много всяческих гадов, например змей. Они хотя и не ядовиты, но приносят большой вред, уничтожая кур, голубей и других птиц. Правда, некоторые змеи весьма полезны: они спасают дома от крыс и мышей. Эти змеи очень хитры. Они пищат в точности как крысы, которые, ничего не подозревая, лезут им прямо в пасть и погибают. Змеи не грызут добычу; убив зверька, они первым делом высасывают из него кровь, а затем проглатывают целиком вместе со шкурой и шерстью, переваривая все в утробе без остатка.

Другая разновидность пресмыкающихся – летучие ловцы⁴⁷. Их называют так потому, что они ловят добычу в воздухе. Они не приносят никакого вреда.

---

⁴⁶ Москас де фульго... *Fulgora candelaria* – светящиеся организмы.

⁴⁷ ...летучие ловцы... Вероятно, летучий дракон (*Draco volans*) – необычайно красивая ящерица красно-зелено-бурого цвета.

Сухопутные черепахи селятся здесь по болотам и разным низким местам. Они царственно вкусны.

Когда поспевает табак, на острове появляется несметное количество гусениц. Напав на табачные плантации, они могут принести огромный вред. Иногда именно так и бывает. Табак приходится при этом срезать и выбрасывать. Эти гусеницы зеленого цвета и толщиной в палец.

Есть тут и пауки до невозможности отвратительные на вид. Их тело размером с яйцо, ноги не меньше, чем у небольших крабов, и волосатые. У них множество зубов черного цвета, не меньше, чем у кроликов. Кусаются они чрезвычайно больно, но не ядовиты. Эти пауки селятся обычно на крышах домов. В зарослях камышей близ воды можно встретить тысяченожек, по-латыни они называются сколопендрами. Тысяченожки очень похожи на скорпионов, но хвоста у них нет. Если вас укусит скорпион, то вам уже ничто не поможет, если же сколопендра, то место укуса распухнет, и затем опухоль пройдет сама собой. Таким образом, на острове нет таких тварей, которые были бы очень вредны для человека.

Раз мы занялись описанием всякой нечисти, то следует упомянуть также и о кайманах – одной из разновидностей крокодилов. На острове их довольно много. Они невероятно длинны и толсты. Некоторые достигают семидесяти футов в длину и двенадцати в ширину. Эти звери необычайно хитры в добывании пищи. Они вытягиваются до предела и плывут,

подхваченные потоком воды, словно прелое бревно. Течение гонит их, и в конце концов они оказываются недалеко от берега. Если в этом месте приходят на водопой дикие свиньи или коровы, они моментально бросаются на них и тянут за собой на дно, топя в воде. Чтобы быстро погрузиться, крокодилы глотают перед этим камней на сто или двести фунтов, потому что сами они весят сравнительно немного и нырять без груза им трудновато. Утащив зверя под воду, они оставляют его там дня на три-четыре, пока мясо не протухнет. До этого крокодилы к добыче не притрагиваются, даже не кусают свою жертву.

Стоит растянуть на берегу для просушки шкуру, и кайманы тут как тут. Они затягивают ее на дно и придавливают камнем. Потом дожидаются, пока шкура облысеет. Все это я видел воочию. Теперь мне хотелось бы рассказать о них то, что мне довелось услышать, хотя ни один из сочинителей, писавших о кайманах, таких сведений никогда еще не сообщал. Один вполне достойный доверия человек рассказал как-то мне, что однажды он залез в воду, чтобы промыть шкуру. Появился кайман, схватил ее зубами и потянул ко дну. Полюбопытствовав, что же станет делать кайман, этот человек позволил ему схватить шкуру и, держа ее за конец, изготовился нырнуть вслед за ним, зажав в зубах острый нож. Но не тут-то было. Кайман вырвал шкуру. В прозрачной воде было ясно видно, что делал кайман. Человек ударил крокодила ножом в брюхо, и тот пошел ко дну и вскоре

околед от раны. Мой приятель вытащил его на берег и нашел у него в брюхе камни общим весом по меньшей мере фунтов на сто, самый маленький из них был величиной с кулак. Укрыться от преследования эти звери не могут: ведь даже если им удастся скрыться от глаз преследователя, их выдает неприятный запах мускуса. Мускусные железы расположены у них под шкурой: две – у горла, еще две – чуть пониже и еще две – на лапах. На кайманов специально охотятся, чтобы добыть эти железы и продать их в Европу.

Кайманы вылупливаются из яйца. Яйца они кладут раз в год, в мае месяце, прямо на прибрежный песок, зарывают их туда своими лапами. По размерам эти яйца такие же, как гусиные. Скорлупа у них шероховатая. В яйцах есть желток и белок, словно в птичьих, да и на вкус они вполне приемлемы. Из отложенных яиц вылупливаются маленькие кайманы, похожие на цыплят. Они тотчас же бросаются к воде и плавают уже на девятый день после рождения. Их матери в отличие от птиц прячут своих детенышей не под лапами – они просто их берут в пасть. Днем, когда погода хорошая, они выпускают малышей погреться на песке на солнце. Те вылезают и играют близ матери. Однако в случае малейшей опасности детеныши тотчас же скрываются. Я сам видел, как такие детеныши грелись на противоположном берегу у самой воды. Я бросил камень – и все они моментально забрались матери в пасть. Кайманов, которых я здесь описал, иногда попросту называют крокодилами.

Глава пятая, повествующая о различных животных, населяющих остров Эспаньолу, всевозможных птицах, а также о французских буканьерах и плантаторах

Остров этот богат и славен не только множеством дико-растущих плодовых деревьев, но и прекрасными землями, на которых растет все, что ни посеешь. Он изобилует и четвероногими: лошадьми, дикими свиньями, дикими быками и коровами, животные используются не только пропитания ради, но с их помощью жители возделывают поля. На острове много и диких собак, беспощадно уничтожающих других животных. Стоит только телятам и жеребяткам отбиться от стада, как собаки набрасываются на них, и если кто-либо не придет на помощь, то тут же пожирают свою добычу. Носятся они стаями, в которых бывает по пятьдесят или шестьдесят собак, и отваживаются нападать даже на стада диких свиней, выхватывая из стада по две или три свиньи.

Как-то раз один буканьер, которому я никак не желал поверить на слово, решил показать мне необычайно интересную вещь. Мы отправились с ним на охоту и услышали топот диких собак, окружавших стадо свиней. Мы тут же приказали слуге отвести наших собак подальше, а сами пошли

вперед, держа ружья наизготовку. Подобравшись поближе, мы залезли на дерево и оттуда отчетливо увидели, как собаки окружили одну из свиней, бросившуюся к дереву. Дикая свинья встала на задние ноги, прижалась к стволу и отбивалась от собак клыками, причем те собаки, которым довелось пострадать от ее клыков, больше уже в драку не лезли. Битва продолжалась по крайней мере час. Наконец свинья решила дать деру, но тут одна из собак изловчилась, подобралась сзади и укусила ее. В то же мгновение остальные впелись ей в горло и загрызли. Как только свинья перестала шевелиться, все собаки отскочили и залегли вокруг туши. Но стоило появиться собаке-наводчице и вонзить зубы в тушу, как все собаки бросились на тушу и сожрали за каких-нибудь полчаса.

Нужно сказать, что у животных существуют довольно строгие законы, подобные человеческим: они, например, оказывают некоторым особям из своей среды знаки рабского почтения, и именно так поступили собаки в случае с этой дикой свиньей. Человек, который сопровождал меня, рассказал, что ему частенько приходилось наблюдать, что в любой стае есть собака, которая всегда выбегает вперед, принюхивается, и коли почует добычу, то лает раз пять или шесть. Если никто не появляется, она принимается за работу сама. То же самое я замечал и у прирученных собак. Ведь любой охотник держит особую гончую собаку, которая выискивает дичь. Найдя ее, она возвращается к охотнику и ждет, пока тот не убьет дичь и не кинет ей подачки. После этого она

снова убегают, в то время как все остальные собаки остаются подле охотника.

Когда губернатор острова Тортуги мосье Бертран д'Ожерон дознался, что дикие собаки приносят неисчислимые беды, нападая на стада диких свиней, и охотникам становится все труднее снабжать жителей плантаций мясом, он немало потрудился, чтобы найти средства избавления от этой напасти. В конце концов в 1668 году он выписал из Франции яд. Когда его доставили, губернатор приказал умертвить несколько лошадей, рассечь их туши и пропитать мясо ядом. Ждали целых шесть месяцев, но собак на острове меньше не стало. Выяснилось, что собак можно приручать. Бывали случаи, что охотники находили собачьи выводки, забирали щенят домой и воспитывали их. Подросших щенков затем брали на охоту.

Но может быть, любознательный читатель стораец от желания узнать, когда появились на острове эти дикие собаки? Поэтому я поведаю обо всем, что мне известно на этот счет. Когда испанцы захватили остров Эспаньолу, на нем было множество индейцев. Те скоро поняли, что испанцы лишь болтают о дружбе, а на самом деле стремятся поработить их. Они восстали против испанских властей и нанесли им большой ущерб; после этого испанцы истребили буквально всех индейцев. Если кому-нибудь удавалось спрятаться в зарослях, испанцы натравливали собак на индейцев. Догнав индейцев, испанцы рубили их на куски и бросали на съезде-

ние собакам, стремясь запугать остальных, чтобы они никогда больше не появлялись в этих местах. Многие из тех, кто спрятался в скалах, погибли от голода. Я собственными глазами видел в скалах пещеру, забитую трупами. По самому скромному подсчету, их там было больше ста. Во время охоты такие пещеры попадаются довольно часто. Когда индейцы полностью исчезли, испанцы бросили своих собак, и они довольно скоро одичали. Так, собственно, там и появились дикие собаки, ибо до этого на острове не было ни одной.

Лошади⁴⁸, которые водятся на острове Эспаньола, невелики. Туловище у них короткое, голова крупная, шея длинная, ляжки толстые – словом, красоты никакой. Они пасутся стадами по две или три сотни голов, и если кого-нибудь завидят, то вожак, который всегда держится впереди стада, словно истинный капитан, подпускает его шагов на пятьдесят или шестьдесят, фыркает и пускается наутек, а за ним устремляется все стадо. Этим лошадей можно довольно легко приручить. Охотники ловят их ради шкур, которые сбывают на берегу моря. На тропинках, по которым обычно ходят стада, натягивают веревки с петлями, и лошади запутываются в них. Тогда их связывают и убивают. Некоторых, впрочем, оставляют в живых, чтобы приручить, и буквально дней через восемь они уже ходят в упряжке не хуже крестьянских

---

⁴⁸ ...лошади, которые встречаются на острове Эспаньоле... Лошади в Америку были завезены еще во времена Колумба. В конце XVI и в начале XVII века, в пору запустения Эспаньолы, лошади одичали и во множестве расплодились во внутренних областях острова.

лошадей, словно никогда не делали ничего другого.

Не меньше на острове и диких быков и коров, но стада их постепенно рedeют, потому что их на каждом шагу поджидают опасности. Их истребляют любым способом и испанцы, ослепленные ненавистью к французам, и дикие собаки, которые пожирают телят, и французские буканьеры. Эти животные довольно крупные и очень злые, когда их преследуют или причиняют им боль, но при встрече с врагом они прежде всего стремятся спастись бегством. Их шкура достигает одиннадцати, двенадцати и тринадцати футов в длину.

Для меня загадка, почему быки и дикие свиньи вообще сохранились на острове Эспаньола: ведь с 80-х годов ежедневно и испанцы, и французы истребляли по полторы тысячи диких свиней. Я убежден, что французы в этом смысле преуспевали больше испанцев. И тем не менее свиней все равно на диво много. Они очень крупные и чаще всего черного цвета, хотя встречаются и другие расцветки. Обычно дикие свиньи пасутся стадами голов по пятьдесят – шестьдесят и, увидев людей, убегают. При этом поросята устремляются вслед за матерями, не отставая от них ни на шаг. Если на них нападают собаки, каждый спасается как может. Диких свиней вполне можно приручить. Я это видел собственными глазами. Однажды мы нашли в кустах несколько маленьких поросят и решили вырастить их на мясо. Когда поросята подросли, они стали бегать за нами, как щенята. Встречая диких свиней, они сперва перехрюкивались с ними, а затем

бросались на них, словно собаки.

Остров Эспаньола населяет множество различных птиц, причем многие из них вполне съедобны. Это – рябчики, которых испанцы называют пинтадос, попугаи, дикие голуби, крабоеды, цапли, вест-индские каплуны, фламинго, рыбаки, фрегаты, грангезиры, гуси, чирки, колибри и прочие, названий которых я просто не знаю.

Итак, рябчиков испанцы называют пинтадос. Нужно сказать, что это название довольно образно, ибо в оперении этих птиц чередуются черные и белые полосы, совсем как у тигров. Гребень у них такой же, как у кур, но очень твердый, словно мозоль. Они и величиной со здешних кур, да и мясо у них на вкус совсем не отличается от курятины. Стоит только одному из рябчиков заметить опасность, и все стадо с шумом скрывается среди деревьев. Яйца рябчики откладывают прямо на землю, так что нередко их теряют. Высиживать эти яйца могут и обычные домашние куры, но, когда цыплята подрастают и слышат призывный шум в лесу, они тотчас же убегают и сразу дичают. Немало здесь и попугаев. Они избегают селиться рядом с полями и гнездятся в старых пальмовых стволах, в местах, где раньше были гнезда других птиц. Пользуются же они покинутыми дуплами потому, что клювы у них изогнутые и долбить себе убежища они не могут. У природы, должно быть, не хватило средств, чтобы приспособить этих птичек к уютной жизни. Есть тут и птички карпентеры, или плотники; их называют так потому, что клю-

вы у них удивительно приспособлены, чтобы долбить дерево, и крепки, как наилучшие топоры. По величине карпентеры невелики, но их клювы в длину достигают полутора дюймов. Карпентеры пробивают дупло всего за восемь дней и успевают за такой же срок устроить в нем гнездо.

На острове засилье диких голубей. Они появляются в строго определенное время подобно голубям на острове Тортуге. Когда с деревьев начинают осыпаться семена, голуби жиреют; подстрелив их, видишь, что они буквально истекают салом. Крабоеды по виду похожи на цапель и живут на озерах, ловя крабов. Поэтому их и называют крабоедами. Мясо у них превосходное. У этих птиц семь желчных пузырей. Во всяком случае содержащееся в них вещество очень похоже на желчь и горькое на вкус. Цапли, которые водятся на этом острове, ничем не отличаются от материковых. Ворон там необычайное множество. Их истребляют собаки, а в голодную пору и охотники. Вороны летают большими стаями и поднимают такой ужасный крик, что мешают людям разговаривать друг с другом. Тамошние вороны очень похожи на наших и в случае нужды, конечно, вполне пригодны в пищу. Вест-индские индюки очень велики – по весу они не уступают обычным индюкам, но формой головы, ног и плюмажа весьма отличается от наших. Клюв и ноги у них как у аистов, крылья белые с двумя черными точками.

Фламинго – это такие птицы, которые водятся только на солончаках, и похожи они на аистов, но ноги и шея у них

длиннее и красноватой расцветки. Клюв у фламинго, как у гусей, но кривой и толстый, язык длиной с палец и необычайно вкусен. Фламинго летают стаями, а в каждой стае по пятьдесят – шестьдесят птиц. Если стая садится в поисках пищи, одна из птиц обязательно становится на стражу. Стоит ей заметить малейшую опасность, она дает знак, и мгновенно вся стая снимается с места. Рыбаки – это такие птицы, которые встречаются по берегам рек и питаются одной лишь рыбой, за это их и прозвали рыбаками. По весу они не уступают гусям. Эти птицы ослепительно белые, клюв у них красный, ноги тоже красные. Птицы фрегаты прозваны так за необычайную быстроту полета. Фрегаты летают столь плавно, что трудно заметить хотя бы малейшие взмахи крыльев, и залетают очень далеко в море, а питаются только свежей рыбой. По размерам они не уступят доброму индюку, а мясо у них похоже на говядину и очень питательно. Фрегаты выют гнезда на деревьях, растущих прямо в воде, или там, где ветви склоняются над ней или ее касаются. Своих детенышей фрегаты тоже кормят рыбой. Когда малыши подрастают, они отправляются на край утеса, где учатся хлопать крыльями. Затем они взлетают, да так плавно, словно стрела, выпущенная из лука. Пищу они могут принимать через день. Фрегаты летают настолько быстро, что схватывают рыбу прямо на лету, когда она выпрыгивает из воды, и приносят детям добычу, даже когда все прочие птицы остаются с пустым желудком. Другую разновидность подобных же птиц называют

трусливцами, потому что они боятся всех птиц на свете, даже более слабых; клюв у них очень крепкий. Величиной они не больше уток, но клювы у них, как у цапли с зубчиками. Они тоже питаются рыбой, живут на таких же деревьях, как фрегаты, от людей не улетают и при виде их лишь поднимают крик. Если недалеко от острова, где живут трусливцы, проходит корабль, они вылетают в море, садятся на мачты, нередко попадая в руки матросов. На вкус они не очень приятны: мясо их пропитано рыбьим жиром.

Птицы грангезиры называются так потому, что у них очень большое горло. Они заглатывают рыб размером с человеческую голову, хотя сами по размеру не крупнее обычных гусей. Их клюв достигает примерно восьми дюймов в длину и четырех дюймов в ширину. Птицы эти встречаются либо по берегам рек, либо на морском побережье. Дупели здешние такие же, как в наших краях, но они значительно крупнее и жирнее.

Попадают здесь и эндфогели. Они прилетают в определенное время года и так тучнеют, что, поймав их, надо сначала срезать жир, а потом уже пускать в пищу. То же самое можно сказать и про чирков.

Гуси прилетают на остров раз в год и остаются здесь примерно на три или четыре месяца. Они питаются какими-то семенами, от которых жиреют так, что теряют способность летать. Их можно ловить на ходу, и так мне не раз доводилось поступать. Обычно мы преследовали их до тех пор, пока

птицы совсем не выбивались из сил. Тогда мы их нагоняли и забивали камнями. Последний месяц, который гуси проводят на этом острове, они ничего не едят и худеют настолько, что под конец уже могут совершать перелеты.

Колибри – это самые маленькие птички на свете, и их иногда называют также землянками. Они самые красивые птицы и питаются только цветами и травой. Нагнать их в полете могут лишь индейские стрелы. Индейцы сушат колибри и продают их христианам. Охотятся на колибри следующим образом: берут кусочек воска, насаживают его на наконечник стрелы и пускают ее так, чтобы не повредить саму птичку.

Теперь же речь пойдет о французах и о том, как они появились на острове Эспаньола. Как они высадились на острове, я уже говорил прежде и, кроме того, уже упоминал, что им прислали из Франции губернатора и он правил ими целых три года. Теперь поведаю о том, чем французы обычно занимаются, как живут и как выглядят их дома.

Французы, живущие на острове Эспаньола, занимаются охотой, полеводством и каперством⁴⁹. Если слуга освободился от службы, он ищет себе товарищей. Они собирают все, что у них есть, ставят на вещи метки и договариваются, что тому, кто переживет своих товарищей, достается все их имущество. Некоторые при этом оговаривают, чтобы их вещи

---

⁴⁹ ...французы, живущие на острове Эспаньола, занимаются каперством – то есть морским разбоем.

после смерти передали родственникам или женам. Подписав соглашение, они отправляются либо разбойничать на море, либо на охоту, либо на табачные плантации – словом, туда, где им кажется лучше.

Охотятся французы по-разному: одни стараются добыть кожи, другие – набить диких свиней и продать их мясо плантаторам. Охотников называют буканьерами. Раньше их было на острове человек пятьсот или шестьсот, но сейчас вряд ли больше трехсот. Дичи осталось очень мало, и надо быть очень изворотливым, чтобы поймать кого-нибудь. Охотники проводят в лесах по году, а то и по два. Затем они отправляются на остров Тортугу, чтобы обновить там свой запас пороха, свинца, ружей, полотна и тому подобное. Прибыв туда, они буквально за месяц спускают все, что нажили за год или полтора. Они хлещут водку, словно воду, вино покупают прямо бочонками, выбивают затычки и пьют до тех пор, пока бочонок не опустеет. День и ночь буканьеры шатаются по селениям и славят Бахуса, пока остается хоть грош на выпивку. Между прочим, они не забывают воздать должное и Венере, водят шашни с торговками вином и девками, которые собираются к приезду буканьеров и каперов точно так же, как шлюхи и торговки Амстердама в ту пору, когда туда прибывают корабли из Ост-Индии или военная флотилия. Прожив все свои деньги и даже наделав порой долгов, охотники возвращаются восвояси и снова проводят в лесах по году-полтора. Теперь опишем их образ жизни.

Прибыв на условленное сборное место, охотники делятся на группы человек по пять или шесть. У кого есть слуги, тот отправляется вместе с ними, находит удобное место, ставит хижину и устраивает себе жилье, где, кроме того, хранит сухие кожи. Рано утром, как только забрезжит рассвет, охотники собирают собак и отправляются в лес или в такие места, где надеются встретить много добычи. Убив какого-либо зверя, они, по обычаю, сразу же приступают к обработке туши: выпускают из костей мозг и, прежде чем туша остынет, сдирают с нее шкуру. Один из охотников берет эту шкуру и относит на место сбора. Обычно они охотятся до тех пор, пока каждый не добудет себе по шкуре, и кончают примерно в час обеда, иногда чуть раньше, иногда чуть позже. Встретившись в условленном месте, они отдыхают, а слуги, если они их имеют, принимаются сушить кожи и варить обед. Они не едят ничего, кроме мяса. После обеда каждый берет ружье и все отправляются забавы ради стрелять лошадей или птиц. Иногда они устраивают соревнование на меткость. В виде мишени обычно выбирают апельсиновое дерево, по которому нужно стрелять, стараясь сбить как можно больше апельсинов, не задев веток. И получается это у них лихо — я сам тому был свидетелем. В воскресные дни они доставляют добытые шкуры на берег и грузят на корабли. Однажды один слуга, которому очень хотелось отдохнуть в воскресенье, сказал своему господину, что бог дал людям неделю из семи дней и велел шесть дней трудиться, а на седьмой

отдыхать. Господин его и слушать не стал и, схватив палку, отколотил слугу, приговаривая при этом: «Знаешь, парень, вот мой приказ: шесть дней ты должен собирать шкуры, а на седьмой будешь доставлять их на берег». Охотники – люди весьма жадные, к слугам они совершенно беспощадны. Говорят, что лучше три года пробыть на галерах, чем служить у буканьера. Рассказывают, что один буканьер так исколотил своего слугу, что решил, будто тот отдал душу богу. Но когда хозяин ушел, слуга поднялся, желая последовать за своим господином. Ноги у него, однако, совсем отнялись, и он не в состоянии был доползти ни до своего господина, ни до места сбора. Так он и остался в лесу без всякого оружия, нужного для добывания пищи. У него с собой не было даже ножа. С ним осталась только собака. Два или три дня он совсем ничего не ел. Затем ему повезло. Он набрел на стойбище диких свиней, и собака, бежавшая рядом с ним, поймала поросенка. У слуги не было возможности развести огонь и изжарить поросенка. Но хуже всего было, что он не мог его разрезать. Кое-как ему все же удалось разделать поросенка, и он съел его сырым, оставив часть мяса собаке. Несколько кусков он решил сохранить на черный день, потому что не знал, когда ему удастся добыть что-либо съедобное: ведь встретить людей в таком лесу очень трудно. Однажды, бродя по лесу вместе со своей собакой, он заметил суку, которая несла своим щенкам кусок мяса. Он погнался за ней до самого ее логова, закидал камнями, отнял мясо и тут же сожрал. Потом забрал

двух щенков и взял в придачу еще и суку, которая только что ощенилась: в ее сосках было молоко. Спустя некоторое время ему удалось набрести на место, где было много поросят, и добычи этой вполне хватило на него и на его собаку и на щенят. Жизнь стала сносной, и он пробыл в тех местах довольно долго, в надежде, что вот-вот придут охотники. Уйти оттуда он не решался, опасаясь снова остаться без пищи. Между тем щенки подросли и стали вполне пригодны для охоты, так что он теперь уже не страдал от дикого голода. А вот ножа у него не было – большей беды трудно себе вообразить: ведь нечем ему было разделявать добычу. Если его собаки настигали дичь, ему приходилось ждать, пока они не прогрызут шкуру, а затем он уже разрывал тушу руками. Мясо он ел с наслаждением, как наилучший деликатес. Он вел подобное существование месяцев четырнадцать, пока неожиданно не наткнулся на буканьеров. При виде его охотники замерли от испуга – уж больно дико выглядел этот человек. Косматый и грязный, он прикрывал тело лишь куском древесной коры. Слуга рассказал охотникам обо всем, что ему пришлось вытерпеть от своего господина, и, когда те решили взять его с собой, он ответил, что коли его не выкупят, то лучше ему оставаться в лесу, лишь бы только не возвращаться к своему господину. Охотники пообещали дать ему денег для выкупа. Я сам видел, как его привели, и с удивлением обнаружил, что он стал значительно толще и здоровее, чем в ту пору, когда служил у своего господина. Он и потом долго питался одним

лишь сырым мясом. Вкус вареного мяса ему был противен. Стоило ему съесть маленький кусочек, как спустя час или два у него начиналась рвота. От сырого же мяса с ним ничего дурного не случалось. Хоть мы его и удерживали сколько могли, но отучить его от сырого мяса нам так и не удалось. То же самое я замечал и с дикими собаками, которым было по месяцу и по два: они совершенно не могли есть вареного мяса.

Я рассказал эту историю, чтобы читатель представил себе, с какой жестокостью и бессердечием обращаются охотники со своими слугами. Кроме того, я желал показать, что человеческий организм может приспособиться к любой пище. Я думаю, что человек может прожить, питаясь даже одной травой подобно некоторым животным, если не сможет найти ничего другого.

На буканьеров нередко нападают испанцы и основательно бьют их. Так случилось, когда на северном берегу острова высадилось пять отрядов из Санто-Доминго (буканьеры обычно молят бога, чтобы не повстречать испанцев). Но у испанцев никогда не хватает смелости встретиться с охотниками в чистом поле, они выслеживают и убивают их в часы сна. Мне приходят на память любопытные случаи. Как-то раз двенадцать испанских всадников поджидали одного буканьера, который рано утром вместе со своим слугой вышел на охоту. Они устроили засаду на тропе, по которой охотник должен был возвратиться домой. Тот заметил следы лоша-

дей и отправился другой дорогой, но скрыться ему не удалось. Испанцы услышали лай его собак и погнались за ним через поле. Увидав их, буканьер понял, что убежать не удастся, и остановился, насыпал пороху и свинца в свою шляпу и положил ее рядом с собой. Его слуга прислонился к нему спиной и сделал то же самое. Так они стали дожидаться испанцев. Двенадцать всадников окружили их с копьями наперевес и приказали сдаться, грозясь четвертовать охотника, если он тотчас же им не повинуется. Однако буканьер не испугался и решил пойти на хитрость, ибо знал, что, попадись он испанцам живым, они его тут же сожгут. Он крикнул им, что сдаваться не намерен и что пристрелит первого, кто к нему сунется, а затем встал на колени, поднял ружье и сделал вид, что вот-вот откроет пальбу. Заметив эти маневры, испанцы тотчас же бежали и оставили охотника и его слугу в покое. Другой буканьер, неожиданно встретившись с отрядом испанцев, пошел прямо к ним навстречу, стреляя из ружья и громко призывая на помощь. Испанцы, слышав крики и выстрелы, убоялись стычки и отошли. Так он спас себе жизнь.

Есть буканьеры, которые охотятся только на диких свиней. Они солят их мясо и продают плантаторам. И образ жизни у них во всем такой же, как и у добытчиков шкур. Однако мне очень хотелось бы поведать любознательному читателю о том, как они охотятся; зрелище это весьма необычное: ведь преследуют они диких свиней. Эти охотники ведут оседлый

образ жизни, не сходя с места месяца по три-четыре, иногда даже и по году. Свое селение они называют буканом. Живут они чаще всего впятером или вшестером, и один из них, как правило, поддерживает связь с каким-нибудь плантатором, поставляя ему мясо круглый год. Когда дело с плантатором завязывается, буканьер забирает у него две или три тысячи фунтов табаку – запас на целый год – и груз этот доставляет к себе с помощью слуги. Кроме того, если у плантатора имеются запасы, буканьер берет у него порох, свинец и собак. Все остальное, что необходимо для охоты, он должен добывать сам. У этих буканьеров в обычае после охоты – а ее они обычно заканчивают после полудня – отправляться стрелять лошадей. Из конины они вытапливают жир, солят его и готовят сало для фитилей. Конский жир они продают плантаторам по цене сто фунтов табаку за горшок. Больше всего буканьеры любят выращивать собак и с выгодой продавать их, когда щенки подрастут. За каждую собаку, которая годится для охоты, в тех местах дают шесть реалов. Эта цена твердая.

Те, кто не связан с плантаторами, как я уже говорил, отправляются в лес группами по семь-восемь человек. Один несет ружья, другой гонит собак, третий остается возле букана. После охоты один из буканьеров принимается коптить мясо и вытапливать сало, чтобы приготовить обед для своих товарищей. Дичи они бьют очень много. Порой они застреливают до сотни свиней только для того, чтобы выбрать из них семь или восемь самых лучших. При этом охотники

самок предпочитают самцам, потому что самки значительно жирнее. Иногда попадаются свиньи-одиночки, которые добывают пропитание, отделившись от стада; они очень опасны и для людей, и для собак, если нарваться на них неожиданно. В такие мгновения нужно тотчас же большой палкой оглушить свинью. После охоты буканьеры сдирают со свиней шкуру, обрубают мясо с костей и режут его на куски в локоть длиной, иногда куски чуть больше, иногда чуть меньше. Затем мясо посыпают молотой солью и выдерживают в особом месте часа три или четыре, после чего свинину вносят в хижину, плотно затворяют дверь и развешивают мясо на палках и рамах, коптят его до тех пор, пока оно не станет сухим и твердым. Тогда оно считается готовым, и его уже можно упаковывать. Приготовив две или три тысячи фунтов мяса, охотники поручают одному из буканьеров доставить заготовленное мясо плантаторам. За каждый фунт мяса они получают два фунта табаку.

Теперь, описав жизнь буканьеров, пора перейти к обычаям и быту плантаторов этого острова. Первые лавки на острове Тортуге появились в 1598 году, а поскольку повсеместно все выращивали табак, дела у торговцев шли довольно хорошо. Но остров Тортуга невелик, много плантаций на нем не разведешь, да и к тому же там мало хорошей земли. Тогда плантаторы начали разводить сахарный тростник и варить сахар. Но большая часть жителей Тортуги, как я уже упоминал, предпочла заняться охотой или морским разбоем. Ко-

гда охотники высадились на острове Эспаньоле, часть из них снова решила заняться земледелием, приспособив здешние поля Эспаньолы под табак. Первые плантации они завели на северо-западном побережье у Кюль-де-Сака. Эта местность делится на несколько областей: Гранд Аме, Ньер, Рошеле, Пти Гарве, Гран Гарве Оганн. Постепенно население росло, и сейчас на острове около двух тысяч плантаторов. В этих местах плантаторы чувствуют себя в совершенной безопасности, ибо испанцы добраться туда не могут. В первые годы осваивать край было очень трудно. Не хватало пищи, да к тому же леса, окружавшие первые плантации, были полны диких свиней. Но плантаторы как-то умудрились находить себе пропитание, хотя особых запасов у них, конечно, не было. Впрочем, так обстоят дела и теперь.

Наметив участок для будущей плантации, они разбивали его на делянки одна подле другой. За дело принимались, не имея ничего за душой. Собирались они компаниями человека по два или по три или основывали товарищества, закупая на всех топоры, мотыги, ножи, кирки и все прочее, что необходимо. Съестных припасов плантаторы берут впрок сразу фунтов по пятьсот или шестьсот, добавляя к обычному рациону фасоль, которую в Голландии называют фачиолью. Снарядившись должным образом, они отправляются в лес, строят там бревенчатый домик и живут в нем до лучших времен. Сперва они вырубают низкий кустарник и сваливают его в кучи, затем валят большие деревья и обрубают у них

сучья; сучья и заготовленный кустарник сжигают, но стволы больших деревьев сохраняют в целости. На новой плантации сперва высевают тот сорт фасоли, который созревает за шесть недель. Потом сажают картофель и маниоку. Когда маниока созревает, ее употребляют в пищу. Картофель созревает за пять или шесть месяцев, маниока – за восемь или девять, а чаще за год. Уже созревшие корни маниоки можно оставлять в земле еще на год, но затем она портится, и дольше ее держать в земле нельзя. Фасолью, картофелем и маниокой главным образом и питаются плантаторы на новых землях. Фасоль варят с мясом и готовят из нее суп, добавляя яйца. Картофель едят на завтрак, и варят его в небольшом количестве воды, плотно закрывая сосуд тряпкой. Через полчаса он поспекает и по вкусу напоминает каштаны, но едят его с хлебом, приправляя соусом из лимонного сока, свиного сала и испанского перца. Из картофеля приготавливают также особый напиток. Для этого клубни очищают от шелухи, нарезают, заливают водой и спустя несколько дней забродившую массу процеживают через тряпку, получая кисловатый на вкус напиток, очень ароматный и полезный. Плантаторы называют это напиток маби и приготавливать его научились от местных индейцев.

Из маниоки пекут хлеб, который называется касавой. Его готовят так: корни маниоки растирают на железной или медной терке точно также, как в Голландии трут хрен. Когда все приготовлено, маниоку насыпают в мешки из плотной ткани

и отжимают, чтобы масса затвердела. Потом маниоку просеивают через кожаное сито и получают нечто подобное древесным опилкам. Их замешивают, и тесто выкладывают на горячий железный лист и пекут. По вкусу поджаренная маниока напоминает кекс. Готовый хлеб выставляют на солнце и держат его обычно на крыше. Мне кажется, что известная поговорка: «Он приехал из страны, где крыши блинами кроют» – как нельзя более подходит к этому краю. Чтобы ничего не пропадало, из отрубей, оставшихся на дне сита, делают лепешки, складывают горкой, дают им забродить и получают затем напиток, который называется вай кау. Он похож на пиво, приятен на вкус и очень полезен.

Плантаторы употребляют в пищу и различные фрукты: бананы, фиговые, которые они тушат с мясом, и готовят из них питье точно так же, как и из картофеля. Питье из бананов ничуть не слабее вина, и от него пьянеют и страдают головной болью.

Когда с плантаций удастся уже собрать изрядное количество овощей и всего прочего, что пригодно в пищу, которую готовят так, как мы уже описали выше, плантаторы начинают разводить табак. Выращивают его следующим образом: вскапывают прямоугольное поле футов по двенадцать в каждую сторону и огораживают его. Потом землю тщательно покрывают пальмовыми листьями, чтобы она не пересохла под палящими лучами солнца. Посеяв табак, поле поливают каждый вечер, конечно, если нет дождя. Когда побеги таба-

ка становятся похожими на салат, их пересаживают на грядки, расположенные друг от друга на расстоянии трех футов, причем между табачными побегами оставляют зазоры шириной также в три фута. Сажают табак обычно с января до конца марта. В это время года часто идут дожди, что весьма полезно для молодых растений. На табачном поле не должно быть сорной травы: табак не переносит всех прочих растений. Когда побеги достигают в высоту примерно полутора футов и разрастаются, давая пышный куст, верхушку такого куста срезают: табак не должен расти в высоту, надо, чтобы все соки шли в листья, наполняя их силой. Пока табак растет, плантаторы готовят помещения для просушки. Это – домики длиной в пятьдесят или шестьдесят футов и шириной в тридцать – сорок футов. Внутри этих домиков вбивают стойки и к ним прикрепляют одна над другой рамы. Когда табак полностью созрел, его срезают и сушат. Стоит ему хорошенько подсохнуть, как листья обрывают со стеблей и скручивают. Этим делом занимаются особые работники, которым больше ничего не поручают. После сбора листьев на стеблях завязываются новые побеги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.